

Александр Самойленко

Смеющийся ГОРЕМЫКА

Остросюжетный
социально-психологический
роман

Александр Самойленко
Смеющийся горемыка.
Остросюжетный социально-
психологический роман

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=23878805

ISBN 9785448509506

Аннотация

Остросюжетный социально-психологический роман «Смеющийся горемыка» рассказывает читателю о жизненных перипетиях главного героя, которому не всегда удастся выходить победителем из сложных ситуаций, однако он остается верен своим моральным принципам.

Содержание

ЧАСТЬ I.	5
На голом месте	5
Криминальный случай	26
Житуха	56
Медвежий угол	95
Барин	137
Конец ознакомительного фрагмента.	146

**Смеющийся горемыка
Острсюжетный
социально-
психологический роман**

Александр Самойленко

© Александр Самойленко, 2017

ISBN 978-5-4485-0950-6

Создано в интеллектуальной издательской системе Ridero

ЧАСТЬ I.

ЛИХАЯ БЕДА – НАЧАЛО

На голом месте

Толчок в спину был сильным. С трудом удержавшись на ногах, Доля по инерции прошел несколько шагов вперед. – Советую больше не приходить сюда! – сердито крикнул сзади сержант, и вслед за этим громко хлопнула высокая парадная дверь.

Обернувшись, с досадой посмотрев на здание областного УВД, на шпиль над башней, Александр Васильевич Доля поплелся через Комсомольскую площадь.

– Ничего, – как мог, успокаивал он себя. – Мы еще с тобой встретимся, товарищ сержант, и нам будет, что вспомнить. Я же ничего такого не сделал, чтобы меня вот так вот взащей... Ничего, – опять подумал он, уже стоя на автобусной остановке. – Не я буду, если не пробьюсь на прием к этому главному кадровику Петрову, а уж после смогу убедить его в своей правоте...

Дождавшись автобуса восьмого маршрута, он протиснулся между пассажирами к окну и подышал на замерзшее стекло.

– Да, это не Крым. Еще только середина октября, а здесь уже начались нешуточные морозы, – подумалось ему. – Надо бы потеплее собраться, знал ведь куда уезжал.

У него стали замерзать ноги. Он потоптался на месте и пошевелил в холодных ботинках пальцами. Но это не помогло и скоро окончательно замерзнув, Доля, не дожидаясь конечной остановки, вышел. На него зло набросился порывистый северный ветер. Он съежился, поднял воротник и глубоко засунул руки в карманы. В левом кармане нащупал мелочь. И тут же случайно увидев через дорогу столовку, решил немедленно деньги проесть. От этой мысли засосало под ложечкой. Из столовой как раз пахло жареным мясом и, перебежав на другую сторону улицы, Доля в два прыжка очутившись на крыльце, рванул на себя заиндевевшую дверь.

За обеденными столами людей сидело немного. У раздаточного окна, пристроившись в хвост небольшой очереди, он, взглянув на меню, прикинул в уме, что можно съесть на последние девяносто две копейки:

– Возьму полную тарелку щей, котлету с пюре и хлеба. Надо как можно больше съесть хлеба, чтоб сытнее было. Мне сегодня больше ничего не светит. Ну, а завтра? А завтра будет день, будет и пища...

Спустя несколько минут, он поставил поднос с едой возле кассирши, и пока та щелкала костяшками на школьных счетах, с опаской ждал результат, переживая, что денег рассчитаться за обед не хватит.

– Девяносто копеек, – сказала женщина.

Доля, с облегчением выложив деньги, пошел в зал и остановился у ближнего столика, за которым сгорбившись сидела и медленно двигая ложкой хлебала суп опрятная на вид старушенция. Она приветливо ему улыбнулась и, улыбнувшись в ответ, Доля, устроившись напротив, принялся за еду, безразлично поглядывая на соседку. Вскоре старушка, отложив ложку, стала что-то старательно пережевывать, сосредоточенно уставившись в угол стола. В это время внимание Доли было приковано к своей тарелке, и сначала он даже не понял, что произошло. В его щи вдруг плюхнулся склизкий комочек недожеванного мяса.

– Сынок, – ласково обратилась к нему старушенция. – Жилистое мясо не осилить моим зубам. У тебя зубки молодые, сжуешь. Не пропадать же, сынок, добру.

Доля оттолкнул тарелку и, сдерживая тошноту, едва успел выбежать на улицу. Там дал волю желудку, и, не солоно хлебавши, еще больше голодный, чем был, пошел на вокзал...

В электричке собачий холод. Полупустой, потрепанный вагон жутко скрежетал на поворотах. Доля, глубоко втянув шею в воротник демисезонной куртки беспрестанно топтал ногами и украдкой наблюдая за сидевшим впереди мужиком, жравшим сдобный батон хлеба, сглатывал обильную слюну. Мужик, по-видимому, об этом догадался. Поерзал задницей по лавке и сев удобнее, уставился на Долю. На лице его отразилось тупое самодовольство. Он с хрустом отрывал зу-

бами от батона большие куски, жадно перемалывал их, заглатывал, а во время коротких передышек каждый раз чмокал, на удивление толстыми губами. Доля заставил себя отвернуться к окну. За окном среди голого березняка на почерневшей траве иней, но чуть подалее наперекор помертвевшей округе, радуя глаз, стоял сочно зеленый еловый лес. Доля чуть взбодрился. Вспомнил о матери:

– Может быть, пора домой? Объяснить как-нибудь маме свой приезд из Крыма.

Подумав, он тут же прогнал, казалось спасительную мысль.

– Нет. Я уж до конца буду расхлебывать кашу сам. Мама здесь не причем.

– Билетики, граждане пассажиры, попрошу предъявить на проверку билетики, – неожиданно громко прозвучало в вагоне.

Доля напряг спину и уныло подумал:

– Все. Приехал. Сейчас меня выгонят, я пойду по шпалам. И было бы интересно до того узнать, водятся ли в этих местах медведи...

Горько усмехнувшись, он посмотрел в уже начавшее темнеть небо, а потом на сказочно-страшный в потемневшем свете непроходимый кустарник.

– Молодой человек, ваш билет! – раздался мужской строгий голос над его головой.

Доля встал. Зачем-то пошарил по карманам и выдохнул: –

Нет у меня билета.

– Тэкс, – со значением проговорил усатый мужчина, одетый в форму железнодорожника, с компостером в руке. – Тэкс, – повторил он, сделав короткую паузу...

– Ха-ха-ха! – дико засмеялся пожиратель батона и, зло радуясь, пальцем показал на Долю, привлекая к нему внимание.

– Заяц! Заяц! – орал он. – А с виду как будто интеллигент. Вот они интеллигенты паршивые! Без билета норовят проехаться!

Очень хотелось Доле подойти сейчас к крикуну и заткнуть ему рот остатком батона, но он сдержался. Ревизор цепко схватил Долю за рукав куртки, а скандалить с ним Доле не хотелось. При его теперешнем положении это было бы глупо. Разом перечеркнуть все, к чему он стремился последнее время, стало бы слишком большой платой за удовольствие набить морду какому-то случайно вдруг возникшему на его пути живоглоту.

– Пойдем, пойдем с нами, товарищ. Не дергайся, – предупредил ревизор, и Доля нехотя ему подчинился.

Завершив проверку билетов, усатый железнодорожник с помощницей, а с ними и Доля перешли в следующий вагон, и вскоре поезд остановился.

– Маша, высади безбилетника, – приказал ревизор. – Все равно у него денег нет, штраф не заплатит. Я, таких как он, давно изучил, знаю. Если б деньги у него были, он купил бы

билет.

Доля, не дожидаясь, когда ему предложат сойти, спрыгнул на посыпанный снежком перрон. Ревизорша Маша для порядка высунулась из вагона и тут же скрылась обратно в тамбуре.

Доля рысью пробежал в конец поезда, где по его расчету проверка уже прошла и в последнюю секунду запрыгнул в вагон. Электричка, пронзительно взвизгнув, понеслась дальше, а он присев на скамейку у выхода, поднял воротник и, спрятав в него лицо, стал размышлять над только что с ним случившимся. Ему было мучительно стыдно и в то же время жалко себя до слез... Однако слабость продолжалась недолго. Будто сверху, эхом, прозвучали в сознании напутственные слова Алевтины:

– Саша, тебе будет очень трудно. Очень. Но ты держись. Твое дело правое, а правда, если за нее бороться, придаст тебе сил и тогда ты справишься с любыми невзгодами...

Доля убрал в карман ставший ненужным носовой платок и крепко задумался. Теперь мысли его опять, как и прежде, закрутились о главном. О том, что ему предстоит сделать в завтрашний день. За думами он не сразу заметил, как с обеих сторон засветились огни станционного поселка Калино.

От сильной боли сжав зубы, Доля грел ноги в тазике с теплой водой. Рядом, на табурете сидела, горестно вздыхала и охала двоюродная сестра Нина.

– Ох, Сашка, ты Сашка, – причитала она. – Да неужто так

можно над собой измываться. Ехал бы к матери. Все одно бы приняла, родной ведь, не чужой. Там, глядишь, и работенку какую присмотрел. Ну, на какой бес сдалась тебе эта милиция? Кто ее любит? Ну ведь работают же люди везде, зарабатывают же на хлеб и, слава Богу, никто еще не помер с голоду. Теперича хоть где дак жить можно, лишь бы войны, будь она трижды проклята, не было... Вот чем тебе Лысьва не город, ты мне скажи?

Доля глухо простонал в ответ и прикрыл веки. Боль не отпускала. И теперь думать, атем более разговаривать, было выше его сил...

Трудно сказать, сколько прошло времени. Нина, ничего от него не добившись, ушла. Боль понемногу начала отступать и Доля провалился в сон. Однажды его качнуло, и он чуть не свалился на пол. Очнувшись, посидел немного. Тупо поглазел на сковороду с остывшей жареной картошкой, стакан козьего молока и лениво подумав о том, что ему совсем не хочется есть, побрел спать...

В полшестого утра Доля уже снова был на ногах. Первым делом жадно поел картошки. Боясь опоздать на электричку, быстро надел ботинки, мысленно поблагодарив Нину за то, что они оказались на теплой печке, и схватил с вешалки куртку.

– Саша, стой, – прозвучал сонный голос сестры из-за дощатой перегородки.

Доля с тревогой посмотрел на часы-ходики над столом.

Времени у него оставалось в обрез.

– Я тебе вчерась забыла сказать, – протяжно зевнув, продолжила она. – Какой-то друг приезжал к тебе из Лысьвы, письмо вон оставил на тумбочке.

– Володька Красильников?!

Сестра помолчала. Громко заскрежетала под нею железная кровать, она вышла, или, можно сказать, выплыла на кухню. Потому что сначала из-за перегородки показались ее огромные груди, затем щеки, а уж потом она вся. Ее слишком пышные формы и неторопливая походка напоминали Доле баржу и мысленно он в шутку часто сравнивал сестру с этим неповоротливым плавсредством.

– На, – сказала Нина, подав обрывок тетрадного листа.

Доля бегло прочитал несколько кривых строк:

«Саша, привет! Почему не звонишь? По твоей просьбе я нашел Ирину. Она тебя помнит и в любой день вечером готова встретить у себя дома...» Далее следовал адрес и после Красильников несколько слов сообщил о своей работе...

– Что еще за Ирина? – подозрительно прищурившись, спросила сестра. Доля, не ответив, с повеселевшим лицом присел к столу. Торопиться ему

теперь не было необходимости.

– Чего улыбишься? – не отставала Нина. – Погодил бы с бабами-то здешними связываться. Любка, наверно, вся извелась там одна-одинешенька тебя дожидаячись...

– Ага, как бы не так, изведется она, – подумал Доля и,

после некоторых раздумий, сказал сестре, чтобы та успокоилась. – Я поеду к ней насчет будущей работы.

– А почему же домой? – резонно поинтересовалась Нина, чем поставила Долю в тупик, и он не сразу нашелся, что бы ей ответить...

– Да потому что на работе к ней не протолкнуться. Слишком человек занятой, – отмахнулся Доля.

– Ну, ну, – проворчала Нина. Попив воды, зачерпнув ее ковшом из ведра, она, наконец, удалилась.

Доля, как был в куртке и ботинках долго не вставал из-за стола, предавшись воспоминаниям...

С Ириной он познакомился на работе у Красильникова в милиции, когда приезжал в отпуск к родителям в Лысьву. Володька представил ее как проверяющую из УВД. Помнится, они много тогда выпили вдвоем, а потом он проводил Ирину на электричку. Она в тот день закончила проверку и должна была уехать...

Сейчас, сидя на скамье полуголодным и без копейки денег в кармане, он четко осознавал, что тогдашнее мимолетное знакомство теперь оборачивается для него чуть ли не единственной возможностью устроиться на работу в органы. И не важно кем, лишь бы оттуда можно было начать трудный путь восстановления справедливости...

Проснулся Петро, Нинин муж, и шумно протопал к вешалке. От нее, нахлобучив заячью шапку и кое-как натянув на голое тело телогрейку, ударив в тяжелую дверь, выбрался

через высокий порог в сени.

Проводив его взглядом, Доля попробовал воспроизвести в памяти образ Ирины, но это ему не удалось. Тогда, несколько лет назад они были вместе часа три, не больше...

– По-моему, на ней были очки, – смутно припомнил он и в эту минуту вернулся со двора Петро.

– Чё не уехал? – бухнув дверью, спросил он.

– После обеда поеду. Встреча у меня сегодня на вечер назначена.

Петро удовлетворенно хмыкнул.

– Вот Витька проснется, пойдем, опохмелимся. Пойдешь с нами?

– Не. Я не могу. Как я заявлюсь нетрезвым?

– Так до вечера все уже выйдет. Даже выхлопа изо рта не будет.

– Нет, я не могу, – отрезал Доля.

Петро обиженно засопел, но не ушел и Доля, избегая дальнейшего разговора, быстро разделся.

– Досыпать что ли? – хмуро спросил Петро.

Доля кивнул.

– Ну, иди, иди. А мы с Витькой пойдем, как встанет.

Ревизоров на этот раз не было, и Доля без приключений вышел на конечной станции. Проехал через весь город до нужной остановки на автобусе и выйдя не сразу нашел дом Ирины. Он стоял на отшибе и путаница в номерах сбивала с толку. В конце концов он оказался у заветной две-

ри на первом этаже и, волнуясь, нажал на звонок. Скоро послышался оживленный разговор. Дверь открылась. Женщина в домашнем халате сквозь очки недоуменно посмотрела сначала на него и зачем-то заглянула за его спину:

– Здравствуйте. Я бы хотел поговорить с Ириной, – сказал Доля.

– А вы кто? – спросила женщина подозрительно.

– Я, Александр Васильевич Доля. Красильников дал мне адрес...

Из глубины квартиры слышались быстрые шаги и было件ятно, что это торопятся к ним. Женщина обернулась с улыбкой, встретив высокого мужчину в майке. Доля сходу узнал в нем кавказца. И еще, когда она встала

боком к нему, он уловил что-то знакомое в ее облике и догадался, что перед ним и есть Ирина.

– Вот, меня ищут, – сказала она.

Кавказец бесцеремонно навалился на ее плечи.

– Он хочет показать мне, что Ирина его женщина и хозяин здесь он, – понял Доля.

– Ну что ж, приглашай, – ухмыльнулся кавказец. В его ухмылке, впрочем, не было ничего плохого и Доля, не задумываясь, шагнул в прихожую, когда хозяйка красивым жестом пригласила его войти.

В одной из комнат на небольшом столике стояла разнообразная еда. Посреди нее начатая бутылка пятизвездочного армянского коньяка.

– Алик, – сказал кавказец и протянул руку.

Доля назвал себя и без каких-либо усилий выдержал крепкое рукопожатие Алика.

– Присядем, поговорим по-мужски, – предложил Алик.

Доля сел. Ему стало окончательно ясно, за кого его принимает кавказец, и он вымученно улыбнулся.

– Алик, молодому человеку нужна моя помощь. Меня об этом просил сотрудник из Лысьвы.

Кавказец задумался и вроде бы надолго замолчал. Но уже через минуту громко поцокал языком, выразив сочувствие, или может быть, радость и взялся за горлышко бутылки:

– Сначала выпьем с гостем, закусим, а потом, Ирина, о деле...

Кляня себя за бурно прошедший вечер, Доля ехал на окраину города, в колонию усиленного режима. Там, в отделе кадров о нем знали.

– Ну, зачем я пил столько коньяка и сейчас маюсь, что могут обо мне подумать в отделе кадров?.. Если унюхают – подумают алкаш и откажут.

Доля посмотрел в окно автобуса, дыхнул на стекло и сморщился от вернувшегося к нему запаха перегара.

– Что же, попробуем снова, как говорится, начать с нуля. Когда-то, тринадцать лет назад, я впервые вошел в зону. Тогда я быстро разобрался, что к чему, наставник попался хороший. А теперь?! Что будет теперь?.. Я не представляю себя в роли мастера на производстве. Но, а это к сожалению

все, что смогла сделать для меня Ирина и выбора у меня просто нет...

– Следующая остановка Башенная, – послышалось из динамика.

Доля очумело бросился к выходу. От остановки до штаба колонии рукой подать. По высокому забору с колючей проволокой наверху он сразу определил направление и, сделав чуть больше сотни шагов, остановился перед входом в двухэтажное здание. Сзади подошел грузный мужчина в форме с мятыми капитанскими погонами.

– Ты к кому в такую рань? – рявкнул он на Долю и тот почувствовал шедший от него омерзительный сивушный запах.

– Я в отдел кадров насчет работы.

Красные, совиные глаза капитана посмотрели на чужака с подозрением.

– У нас что, разве есть прием на работу?

Доля поколебался, сомневаясь, стоит ли выкладывать ему все, и решил ответить уклончиво:

– Я по звонку. Сверху.

– Ах, сверху, – уважительно повторил капитан и сделал предупредительное движение руками, предлагая Доле зайти внутрь первым.

В коридоре первого этажа широкая лестница вела наверх. Мужчина в форме стал тяжело подниматься, а Доля в нерешительности остановился.

– Ну, ты чего? – обернувшись, спросил он. – Следуй, товарищ, за мной. Я тут заведую кадрами.

Войдя в свой кабинет, кадровик первым делом налил из графина и жадно, в три глотка, выпил стакан воды. Доля откровенно ему позавидовал и, когда тот начал снова наполнять стакан, отвернулся.

– Кхе, кхе! – оглушительно кашлянул хозяин кабинета и сев, достал из-под телефона какую-то бумажку. – Доля? – спросил он, прочитав ее.

– Да, – подтвердил Доля и от себя дополнил. – Александр Васильевич. Капитан нахмурил брови:

– Так вот, Александр Васильевич. Ирину Николаевну мы уважаем, и, если б не ее просьба, то никто с тобой разговаривать не стал бы. Понял?

– Понял.

– Ну, если понял, тогда давай свои документы сюда.

Доля отдал все, что у него находилось в кармане, и кадровик, быстро пролистав паспорт с военным билетом, спросил: – Жить есть где? Доля с ответом замешкался

– Ну хотя бы на первое время? У родственников, у знакомых? – уточнил капитан.

– Нет пока, но я сегодня же поищу съемное жилье где-то поблизости.

– А вообще, кто-нибудь еще окромя Ирины Николаевны знает тебя в нашем городе?

Доля пожал плечами. Капитан хохотнул. В глазах его

мелькнуло любопытство.

– На голое место, значит, из Крыма приехал? Ни двора, ни кола. Да и глядя на тебя денег у тебя тоже нет...

Доля нахмурился. Догадки капитана-кадровика попавшие прямо в цель, рванули душу. Ко всему, от выпитого вчера, ему вдруг стало очень скверно и помолчав немного он, не в силах больше терпеть, попросил воды.

– Что, тоже с бодуна? – засмеялся кадровик, щелкнув себя по горлу. – Я вот тут один рапорт читал, – неожиданно оживившись и налив Доле воды, весело заговорил он. – Наш работник про своего коллегу написал. Так в нем такие слова: «В пьянке Поносов, в свободное от работы время, замечен не был, но почему-то с утра я замечал, он всегда, приходя из дому, много пил холодной воды...» Ну, каково, а? Вроде бы как получается друга он не сдал, а на самом деле?.. Вот и гадай я – пьет Поносов или нет...

Доля, приняв рассказ кадровика за шутку, улыбнулся. В то же время, почуяв скрытый намек на самого себя, подумал:

– А ты гусь, наверно, тот еще. На всякий случай, потом надо будет держаться от тебя подальше...

Кадровик, помедлив, достал из стола бумагу и что-то черкнул:

– Вот, Доля, получи направление на медкомиссию. Берем тебя сменным мастером на производство в зону усиленного режима.

В сопровождении инженера, высокого парня старлея, Александр Васильевич Доля, находясь под пристальным вниманием сначала солдат, а затем осужденных, шел в цех, куда его определили мастером. Окружающая обстановка и все происходящее вокруг лишь отдаленно сейчас напоминали ему ту зону строгого режима, в которой он начинал службу. На первый взгляд эта зона с ее обитателями больше походила на трудовой лагерь для однажды оступившихся, совершивших незначительные проступки граждан. Ее можно было даже сравнить с лечебным учреждением для алкоголиков, в котором Доля не раз бывал по служебным делам, будучи участковым...

Скоро они очутились в противоположном конце промзоны и поднялись по крутой лестнице в цех.

– Ну, я пошел, – сказал инженер. Доля растерянно осмотрелся.

– Тебе вон туда, – пальцем указал инженер наверх, где за большой застекленной рамой ярко горел свет.

Он тут же ушел, и Доля остался один среди рабочих-осужденных. Их в цехе за сборочными столами находилось человек пятьдесят, и в большинстве это были молодые люди, почти мальчишки.

– Гражданин начальник, закурить не найдется? – весело крикнул кто-то из них и Доля не сразу определил кто, поскольку все они казались на одно лицо и все как один, отложив работу, глядели на него любопытными глазами –

незнакомому человеку с воли. Просивший закурить, привлекая к себе внимание, поднял руку. Доля полез в карман за сигаретами, благо пачку импортных сигарет ему любезно подарил вчера Алик, и зек, худощавый паренек, увидев это перепрыгнул через связку велосипедных шин, оказавшихся на его пути, и подбежал к нему.

– Ого! – воскликнул он, увидев «Мальборо» в руках у Доля.

С вожделием вынув сигарету из пачки, зек немедленно ее прикурил.

– Чё, трудиться к нам, гражданин начальник? – не преминул спросить он, сделав подряд несколько затяжек.

– Да.

– Мастером?

– Мастером.

Казалось, любопытство осужденного было уже удовлетворено, однако уходить он не спешил. Ему, как понял Доля, очень хотелось завязать с вольным человеком нужное знакомство.

– Где цеховое начальство располагается, знаешь? – спросил Доля.

– Пойдемте, я вас провожу, – охотно предложил осужденный. – Начальника цеха нет. Но кого-нибудь из мастеров или бригадиров найдем. Это я обещаю.

Доля обратил внимание на его потрепанную куртку и едва разобрал на небрежно пришитой бирке фамилию Елькин,

и рядом инициалы З.З.

– Хорошо. Веди, Елькин.

Они пошли через весь цех в дальний конец и повсюду Доля встречал взгляды осужденных. Любопытные, а иногда враждебные. Чувствуя себя не в своей тарелке, шел насто-роженный, с опаской обходя высокие кучи собранных вело-сипедных колес. Елькин по пути заглянул в три помещения. Открыв четвертую дверь, остановился.

– Вот, пожалуйста, один «бугор» на месте. Пока с ним го-ворите, начальник цеха появится и я сразу вам цинкану.

– Спасибо, Елькин. Ты, я вижу, тут, как рыба в воде, все знаешь, – решил похвалить услужливого паренька Доля.

– Третий год идет, как сижу на усиленном режиме, граж-данин начальник, и весь срок на сборке колес работаю. Уже не одну благодарность от хозяина заработал. Между прочим, я и на воле работы не боялся.

Елькин красноречиво махнул рукой и попросил еще заку-рить. Доля подал сигарету и просто так, из праздного любо-пытства, спросил:

– За что же тебя упрятали в тюрьму, такого положитель-ного?

– А считайте ни за что, гражданин начальник, пятнашку вклепали.

– То есть, как?

Доля, хотевший было уже зайти в помещение, где, по сло-вам Елькина, сидел бригадир, задержался у двери.

– Да. Ни за что тяну пятнашку, – подтвердил Елькин и поправился. – Нет, конечно, кое-что было, но не давать же сразу столько сроку.

– Ну, за какие все-таки грехи тебе почти самый потолок вклепали. Дальше, сам знаешь, может быть только «вышка».

– Понимаешь, гражданин начальник, привели мы однажды ко мне домой шлюшку. Знала ведь, зачем шла, так я понимаю. А начала вдруг выделываться. Чуть поприжали ее, трахнули конечно, а она тут сука заявляет, что сдаст нас ментам. Ну теперь, скажите, что нам оставалось делать?.. Взяли мы ее, порубили на куски, вывезли на лодке, да в Каму. Она уж, наверняка, сгнила там, на дне, а я сиди здесь еще столько лет. И спрашивается, за что? Ее ведь все равно не вернешь, а мне мучений еще на двенадцать лет вперед отмеряно.

Доля даже опешил от такого циничного признания. На скулах заиграли желваки.

– Вот тебе и мальчишка, – мысленно ругнул он себя. – Надо б тебе, Доля, не распускать нюни. Почему я про этих зверенышей мог так подумать, как о расшалившихся детях?..

– Иди, Елькин, иди, – сквозь зубы проговорил он. – некогда мне с тобой языком чесать.

– Еще б одну сигаретку, гражданин начальник... Доля, побагровев, матюгнулся.

Не ожидав такого отпора, Елькин попятился:

– Гражданин начальник, а ведь вы не тот, за кого себя выдаете. У нас мастера так не ругаются, за базаром следят...

– Пошел, – по-прежнему зло, но уже тише повторил Доля и Елькин, скорчив недовольную гримасу отстал. Провожая его взглядом Доля видел, как он возвращаясь на рабочее место попутно что-то говорил осужденным, при этом все время жестикулируя.

В каморке, почти целиком заваленной ящиками с комплектующими деталями, куда зашел Доля, сидел крепкий парняга. По одежде и откормленному лицу можно было догадаться, что он один из тех, кто трется возле администрации.

– Начальника цеха когда можно будет увидеть? – обратился Доля.

– Проходите, гражданин начальник. Сейчас я его мигом найду, – радушно сказал крепыш и тотчас выскочил из каморки.

Прошло несколько минут, бригадир все не возвращался и Доле ничего не оставалось делать, как ждать. Он присел на тот единственный табурет, на котором сидел «бугор» и взгляд его случайно наткнулся на тетрадный, исписанный мелким почерком листок. Слова заинтересовали Долю, и он в несколько секунд пробежал глазами весь текст:

«Гражданин начальник УИТУ области. Пишет вам осужденный НТК усиленного режима Задорожный Е. Г.

Не ругайте меня за то, что письмо я отправил мимо цензуры, не по уставу. Понятно, что оно бы официальным путем к вам не попало...

Я хочу донести сведения об ужасном беспределе, какой ежедневно совершает руководство нашей колонии. Когда я работал поваром в столовой жилой зоны (неделю назад меня перевели на производство, собирать колеса), я ежедневно сталкивался с этим вопиющим беззаконием. Начальство зоны, используя служебное положение, набивает свои карманы тогда, когда в зоне свирепствуют туберкулез, дистрофия и наркомания. По известным причинам, я не могу вам сейчас описать, как все происходит. Я надеюсь на личную встречу с кем-нибудь из ваших помощников и надеюсь, что такая встреча произойдет очень скоро, в ближайшие дни.

С большим уважением к вам осужденный Задорожный Егор Григорьевич 25 отряд».

Письмо было не простое. Доля понял, что может стать невольным свидетелем чьих-то разборок и поспешил вернуться на прежнее место к двери. В ту же минуту ворвался «бугор» и чуть не сбив его с ног кинулся к столу, схватил листок и сложив вдвое сунул за пазуху. Лицо его казалось бледным.

– Там, начальник цеха, – с придыханием сообщил он Доле. – В цехе ходит. Я провожу вас к нему...

Криминальный случай

Доля лежал на жесткой кровати и, пытаясь хоть как-то согреться, вжимался в матрац. Лоскутное ватное одеяло он подоткнул под себя, но это не помогало. Оно, из-за своей ветхости плохо грело и, не смотря на то, что он лежал одетым, озноб нет, нет, да и содрогал все тело. Время уже приближалось к пяти часам утра, через пару часов надо было вставать и собираться на работу, а Доля от холода и вместе с ним обуревающих голову мыслей все еще не мог заснуть.

В комнате темень. Ему захотелось курить. Он, протянув руку, нащупал сигареты на табурете. Брякнув спичками, прикурил. На мгновенье увидев при свете, как идет изо рта пар.

– Когда же чертова бабушка образумится и печку начнет топить, – мысленно обругал он свою хозяйку. – Пар изо рта валит, будто я на улице.

Доля очередной раз пожалел, что в тот злополучный день, поселившись месяц назад в этот деревянный дом, заплатил старухе вперед за два месяца, как это потребовала она и, вспомнив, с каким трудом он выпросил в долг эти деньги у двоюродной сестры, чертыхнулся. Докурив сигарету, ткнул окурком в консервную банку. Полежав еще немного, вскочил.

– Нет, лучше уж я на работу пойду. Там погреюсь, – решил он. – Сегодня вечером сон все равно меня свалит и я

отосплюсь досыта. Шутка ли, вторую ночь подряд не сплю, маюсь.

Надо было как-то умыться. Доля открыл дверь на кухню, подошел к умывальнику и набрал в ладони ледяной воды. Собравшись с духом, плеснул ее в лицо, и в это время заскрежетала кровать, послышалось шарканье тапочек и появилась хозяйка. Из ее комнаты пошло на кухню приятное тепло.

– Марь Иванна, вы бы печку затопили, а? Холод ведь невозможный. Уснуть не могу, – пожаловался Доля.

Бабка зевнула, привычно перекрестив открытый рот.

– Ох-хо-хо, – простонала она протяжно. – Горе с дровами-то. Ить до весны не хватит. Зимы ноне еще не бывало. Неужто у тебя холодно?

Доля сжал зубы, и от греха подальше молча ушел в комнату. Но обида все-таки вырвалась у него наружу, и он выкрикнул:

– Когда буржуйку натопишь, легко потом в тепле думается, что и другим тоже должно быть также приятно живется.

Бабка что-то пробурчала в ответ. Точно слов ее Доля не разобрал. Однако примерно понял, что она предлагает ему убраться, если что-то его не устраивает.

– Хорошо. Я так и поступлю, – сказал он себе. – Не терпеть же без конца этот холод.

Согрев кипятильником в кружке воду, Доля заварил чай, и торопливо глотая, выпил его горячим, обжигая глотку, даже не обратив на это внимание.

До зоны, кажется, рукой подать. Она перед Долей вся как на ладони под горой, всего в нескольких сотнях метров, опоясанная по периметру множеством электрических огоньков. Узкая тропка, протоптанная в снегу по крутому склону, вела прямо к КПП. Доля, чтобы не заморозить ноги в осенних ботинках, пошел быстро, часто срываясь на бег. На середине горы вдруг поскользнулся и, не удержавшись, кубарем покати́лся вниз. Прodelав глубокую борозду, длиной не в один десяток метров, он, зарылся с головой в снег и проклиная все на свете, в особенности свою не складывающуюся судьбу, оставался лежать так, не в силах от боли в спине подняться. Скоро дикой болью дали о себе знать и околевшие ступни. Страх лишиться ног заставил Долю думать о спасении и, преодолевая боль, он начал вставать. Сначала на колени, а уже с них тяжело поднялся во весь рост. За пазуху и в рукава набилось полно снега, и Доля меланхолично принялся его вытряхивать.

– Кажется пронесло. Кости целы, а то не встать бы, – подумалось ему.

Дул пронзительный ветер. У него замерзла голова и особенно уши. Дотронувшись до них, Доля обнаружил, что нет на голове шапки. Пошарил глазами около себя и не найдя ее, отправился обратно в гору. К счастью, он почти сразу нашел шапку в метрах пяти в борозде и, нахлобучив ее поглубже, теперь уже осторожно продолжил путь на работу.

КПП долго не открывали. Полусонный солдат, впустив Долю, еще какое-то время подержал его в проходной, он никак не мог взять в толк, что мастеру делать в такую рань на производстве. Наконец, смилостивившись, открыл решетчатую дверь и Доля, насколько хватало сил, припустил в цех.

На участке сборки велоколес рано никого не ждали. Зеки спокойно дремали, сидя за столами, а в кабинете мастеров Доля увидел следы ночного пира. Мастер Журавлев ужасно громко храпел в углу на стуле и, судя по количеству стаканов и другой нехитрой посуды,пил он ночью не один. Кое-как растормошив его, Доля убежал по лестнице вниз к бригадирам. У них хорошо грела труба парового отопления, ион надеялся быстро там отогреться...

– Менты! – неожиданно раздался предупреждающий вопль.

Доля, не раздумывая кинулся обратно вверх. Журавлев, видно сразу же после его ухода опять заснул.

– Слава, убери бардак со стола! – крикнул он ему в ухо. – Прапора идут в цех.

При слове «прапора», Журавлев вскочил как ужаленный, и быстро покидав все без разбора в урну, спрятал ее в шкафу.

– Где прапора? – спросил затем он, протирая грязным полотенцем глаза. – Я не видел. Кто-то из зеков крикнул.

– Может, кому показалось спросонья, – с надеждой проговорил Журавлев и заискивающе взглянул на Долю. – Ты,

Саша, ничего не видел, ладно?

Доля раздраженно пожал плечами.

– Если б я хотел тебе устроить подлость, то не сказал бы про прапоров.

– Да. Это так, – согласился Журавлев.

Он заторопился, чтобы встретить прапорщиков подальше от кабинета и вышел вслед за Долей. Двое человек в форме, как раз в это время поднялись с улицы в цех.

Уже полчаса Доля грелся возле батареи, часто обжигая то руки, то босые ноги, а окончательно согреться все не мог. Неожиданно сзади к нему бесшумно подошел бригадир Ральников и поставил пару поношенных серых валенок.

– На, Александр Васильевич, носи на здоровье, не мучайся. Ваши кожаные щегольские ботинки больше годятся для Бродвея или какой-нибудь южной стороны, но не для нашей уральской зимы.

Доля оглянулся и с благодарностью посмотрел на осужденного. И хотя этого делать было нельзя, мысленно сразу согласился с ним и молча принял ценный и даже спасительный для себя подарок.

– Игорь, прапорщики приходили в цех, ушли? – спросил он Ральникова. – Ушли. Они сегодня всю ночь по промзоне шастают, окаянные. ЧП у нас тут произошло небольшое, зек один повесился.

Доля смолчал. Это известие его не заинтересовало. Ральников, тем временем, раскрыл какой-то толстый журнал

и начал вписывать туда цифры, очевидно, готовясь к сдаче смены. Но вскоре он оторвался от дела и уточнил.

– Висельник из наших бугров. Задорожный. Фамилию такую может слышали?

Долю словно дернуло током, но не подав виду, что фамилия его заинтриговала, он равнодушно ответил:

– Вроде бы знаю. Пухленький такой, чернявый, на складе бригадиром работал?

– Он, он, – подтвердил Ральников и замолчал, снова сосредоточившись на журнале.

У Доли ясно воспроизвелся в памяти короткий текст того письма, некогда увиденного им в камерке у бугра Задорожного, в день своего первого выхода на работу мастером и следующая мысль, которая пришла ему в голову, была о том, что про письмо кто-то все же пронюхал, и парня попросту до виселицы, как говорится, довели.

– Спишут, – бросил Ральников и, отодвинув от себя журнал, ударился в размышления.

– Александр Васильевич, я вот что по этому случаю думаю. Задорожный из поваров к нам в цех пришел. Ну, а если сравнить, где житуха сытнее, так у котла наверняка лучше, чем бугром на производстве. Что у нас, к примеру, можно «толкнуть» на сторону? Да по большому счету ни хрена. Ежели только, когда прижмет, велосипедную камеру вольным отдать за пачку чая. А у поваров, что и говорить, совсем другое дело. Там всегда будешь сыт, корешей подогре-

ешь, и еще на продажу останется. Водочку, к примеру, можно на кусок мяса обменять и опять же дурью разжиться есть на что по-любому...

Тут Ральшков сделал паузу. Налил из литровой банки в закоптелую эмалированную кружку остывшего чая и залпом выпил. Доля с самого начала догадывался, чем закончится его монолог, и ждал, когда об этом Ральников скажет сам.

– Я думаю, что Задорожный, лишившись благ, испугался грядущих трудностей и решил удавиться, – подвел итог Ральников. – Сидеть ему было еще целую пятилетку, а хотя б один день за решеткой, среди себе подобных прожить, согласитесь, очень нелегкое дело.

– Пожалуй, кое в чем я бы с тобой согласился, – сказал Доля и этим признанием вдруг вызвал целую бурю эмоций у Ральникова.

– А у вас, Александр Васильевич, есть по этому поводу другое мнение? Неужели не понятно, из-за чего он вздернулся? Лично я уверен, никто ему сдохнуть не помог. Если хотите знать...

– А ты чего кипятишься, Игорь? – прервал Доля. – Мне, по правде сказать, наплевать, как это произошло. Конечно, как человека Задорожного может жаль, а так...

Ральников нервно ломая спички прикурил. И по тому, каким тоном он спустя минуту заговорил, стало понятно, что он болезненно переживает случившееся с Задорожным и ве-

роятно что-то не договаривает. Так потом рассудил Доля.

Жаль, что их начавшейся доверительной беседе помешал мастер Журавлев.

– Шмон, шмон, – дико вращая зрачками, сообщил он, врываясь в комнату бригадиров. В руке у него была урна с остатками пиршества.

– Где шмон? – спросил Ральников и, недолго думая, вырвал урну у Журавлева. Из нее вывалилась и с грохотом разбилась пустая бутылка.

– У-у-у! – тихо взвыл Журавлев. – Попал я, братцы. В цехе менты шмонают, сейчас сюда доберутся.

– Цыц ты! – рявкнул на него Ральников и с ловкостью дикой кошки вскарабкался по шкафам к высоко сидящему, под потолком небольшому оконцу и, открыв его, с трудом протолкнул на улицу всю урну, вместе с ее содержимым.

– Все. Концы в воду, – сообщил он. – Там никто не лазит, снегу полно, а весной уберем.

Он не торопился спрыгивать на пол, ждал бутылочные осколки. Где-то недалеко послышалось цоканье подков о железный пол. Похоже это двигались к комнате бригадиров прапорщики и положение в таком случае становилось угрожающим, все старания Ральникова могли пойти насмарку. Уже в самый последний момент Журавлев успел таки подать собранные осколки. Ральников, выбросив их вслед за урной, спрыгнул на пол и почти сразу открылась дверь. На входе появился начальник цеха Мороз:

– Вы и вы, – указал он по очереди на Долю и Журавлева. – Ко мне в кабинет...

Сказав, Мороз тотчас ушел. У Журавлева затряслись руки:

– П...ц, – упавшим голосом сказал он. – Мне хана. Он все пронюхал...

Журавлев зря волновался сильно. У начальника тогда ему обошлось. Он лишь слегка пожурил Славку за невыполнение суточного плана сборки колес и отпустил домой. На третий день после этого Задорожного похоронили, через неделю после похорон про него забыли, а на десятые сутки после случившегося по зоне прошел слух, что Задорожного будто бы сначала убили, а потом его труп кто-то повесил.

Однажды, к вечеру, завершая первую смену, Доля занимался обычным делом. Ему оставалось сходить на склад готовой продукции, и в это время его неожиданно вызвали. В кабинете начальника цеха, куда он через пару минут вошел, кроме Мороза сидел незнакомый Доле майор.

– Наверно из оперотдела, – почему-то подумал он и не ошибся.

– Майор Курганов, заместитель начальника оперативного отдела, – представился майор Доле.

Руки он мастеру не подал. Перед майором на столе веером лежали написанные бумаги и одну из них, самую крайнюю, Доля прочел. Это был рапорт какого-то оперативника в звании майора об известном всем происшествии и закан-

чивалось донесение словами, невольно вызвавшими у Доли улыбку.

– «Был убит насильственной смертью», – еще раз прочитал он про себя последнее предложение в рапорте и вторично улыбнулся. – Надо же такое придумать старшему офицеру. Нетрудно представить, что может сочинить тогда молодой лейтенант из их оперативного ведомства... В общем, уже напрашиваются определенные выводы...

– Чему вы там, мастер, улыбаетесь? – грубо спросил Курганов.

Доля посерьезнев, пожал плечами, не считая нужным отвечать на грубость.

– Ладно. Давайте приступим к делу, – сказал майор.

Мороз согласно кивнул и вкрадчиво обратился к Доле:

– Александр Васильевич, вы бригадира Ралышкова хорошо знаете?

– С тех пор как пришел в цех. Может месяца полтора-два, а что?

– Вопросы задаем здесь мы! – опять грубо сказал майор и начальник цеха, что также не ускользнуло от Доли, посмотрел на майора укоризненно.

– Неужели валенки, будь они неладны, всплыли, – подумал Доля, но сразу засомневался. – Нет. Из-за такой мелочи замначальника оперативного отдела не придет в цех. Какой-нибудь оперок из молодых, меня туда бы в штаб вытянул.

– Понимаешь, Доля, – на этот раз смягчив голос, начал майор. – Мы не случайно решили поговорить с тобой. Ты ведь когда-то в милиции работал?

– Да. Служил, – коротко подтвердил Доля. – И в каких службах?

– В разных...

Майор скупно улыбнулся:

– Ну, это не столь важно. Все равно навык какой ни есть, а имеешь в оперативных вопросах. Ведь каждый милиционер должен быть прежде всего опером, не так ли?

Доля, не ответив на вопрос, снова неопределенно пожал плечами. Он уже смекнул, что от него хотят эти двое, и ждал, когда, наконец, с ним заговорят по существу.

– То, что я сейчас сообщу, будет являться тайной, – предупредил Курганов.

Доля кивнул, показав готовность сохранять конфиденциальность. После чего майор, кашлянув, продолжил:

– Так вот, Доля... Не далее как позавчера проведена экму..., экзак..., – Курганов явно запутался в названии мало-знакомоего термина, и Доля, мигом сообразив о чем должна идти речь, решил ему подсказать.

– Эксгумация, – быстро произнес он.

– Да, да, именно она, – косо взглянув на мастера, подхватил майор и отбросив излишнюю спесь, торопливо заговорил. – Понимаешь, Доля, в результате повторно проведенной экспертизы выдано новое заключение. В нем говорится, что

Задорожного силой повесили, а не сам он накинул на себя петлю. Проще говоря, его убили и вся петрушка в том, что последний, кто его видел живым – это бригадир Ральников и он у нас, естественно, стал в убийстве главным подозреваемым. Ваша задача, поговорить с ним по душам... – майор прервался и красноречиво пошевелил растопыренными пальцами. – Ну, например, какие у них были взаимоотношения, была ли в тот день между ними ссора и так далее. Понятно?

– Я, конечно, поговорить смогу. Но почему выбрали меня? С ним все мастера в хороших отношениях.

– Александр Васильевич, оперотдел доверяет вам как бывшему работнику правоохранительных органов, – подключившись к разговору, напомнил Мороз. – И потом, у оперативных работников колонии есть информация, что вас с Ральниковым связывают не только служебные, а и дружеские отношения...

– Например, валенки! – резко вставил майор.

– Ах, вон оно что, – подумал Доля.

Ему сделалось неприятно. Он даже обозлился на обоих офицеров, а заодно на себя и на Ральникова, и, сжав губы, отвернул голову.

– Ну. Ну. Ты уж не сердись на нас. Это я так, про между прочим. Носи на здоровье. Зимой валенки ох как нужны, – снисходительным тоном сказал майор и тем самым еще больше разозлил Долю, и он густо покраснел.

– Вам должно быть известно, что я носил их неделю, пока не купил новые, а те, потом, вернул Ральникову.

– И правильно сделал! – воскликнул Мороз. – Иначе это могло стать началом далеко идущих последствий. Ральников считал бы себя вправе требовать с тебя за эксплуатацию казенных валенок, к примеру, водку, ну и потом так далее, сам понимаешь...

– Так точно, – поддакнул майор Курганов. – Случались такие факты. Доля не стал ввязываться в полемику. Доказывать сейчас, что он не новичок, и неплохо знает правила жизни за колючей проволокой, не было смысла. Тогда пришлось бы многое рассказать о себе, а это не входило в его планы. Ему бы просто не поверили...

– Они уверены, что взяли меня на компру и хотят, чтоб я на них поработал. Хорошо. Я не стану разубеждать начальников, приму их предложение. Так будет лучше. По правде говоря, мне и самому уже интересно узнать, кто на самом деле убийца, подумал Доля и, соглашаясь с ними, заверил. – Насчет Ральникова я обещаю, что от меня зависит, сделаю. Но оговорюсь – у меня есть сомнения в том, что убил Задорожного он. На него это не похоже. Ральников кругом положительный, да и не было никакого смысла ему мочить Задорожного.

Мороз с Кургановым, ухмыляясь, переглянулись.

– Дай-ка ему, Анатолий, почитать приговор на Ральникова, – приказал Курганов. – Пусть знает, с кем дело имеет.

Мороз, засмеявшись, открыл ящик письменного стола и, покопавшись в толстой папке, вынул оттуда несколько отпечатанных на пишущей машинке листков.

– Возьми, Александр Васильевич, познакомься, узнаешь кто такой Ральников.

Взяв листки, Доля начал читать и в описательной части приговора с первых строк открыл несколько ошеломляющих для себя фактов из преступной биографии бригадира.

– «... года гр-н Ральников Игорь Сергеевич на почве неприязненных отношений затеял ссору со своим отцом Ральниковым Сергеем Андреевичем в частном доме по адресу ул. Вокзальная, 2. Вскоре ссора перешла в драку, в ходе которой Ральников, сорвав висящую на стене бельевую веревку, соорудил из нее петлю, а затем накинув ее на шею отца, стал его душить, вследствие чего, через несколько минут от удушения наступила смерть Ральникова С. А....»

– Ни черта себе, – мысленно воскликнул Доля, положив листики обратно на стол Мороза. – Вот тебе и Ральников... Но постой! Как же он в таком случае связан с администрацией? Они же наоборот должны были отвести от Ральникова всякие подозрения. Ведь скорее всего Задорожного пришили из-за того самого письма, а в нем то как раз речь шла о преступлениях администрации... Короче одни загадки. Уж очень сильно кажется теперь все запутанным...

– Что? Задумались, мастер? – ехидно поинтересовался Курганов. Доля ему не ответил.

– Иди, Доля, да больше ни за кого из зеков не подписывайся, – посоветовал Курганов. – И запомни – мы рассчитываем на твою помощь.

Придя вечером домой, Доля заварил в стеклянной банке пару пакетиков вермишелевого супа, поужинал и, перекурив, завалился в постель. Бабка печь пока так и не топила. Единственным источником тепла, согревающим избу была ее буржуйка, но в Долину комнату тепла от нее попадало мало.

– Уйти бы, да некуда. Обещали с общежитием помочь, но когда это сбудется, неизвестно, – посетовал он, выключив свет.

В темноте послышались шаркающие бабкины шаги.

– Вроде ко мне старуха прется, – рассержено подумал Доля.

Шаги между тем заглохли перед его дверью. Некоторое время стояла полная тишина, потом раздался тихий стук в дверь его комнаты и после этого скрипучий старушечий голос.

– Не спишь, квартирант? Буди поди-ка во двор, да наколи дров, печь истопим.

Доля радостно дернулся на кровати.

– Марь Иванна, дак дрова же там есть. Большущая поленница у хлева стоит...

– Это, милок, на запас. Пушай еще постоит целехонькой. Зиму ноне длинную предрекают...

Доля больше ни о чем ее не спрашивая, накинув у порога старую хозяйскую телогрейку, выскочил в ограду, а оттуда выхватив из колоды топор, на улицу. Там возле стены, под окном дома он давно заприметил сложенные неряшливо, уже почерневшие от времени чурки.

Умел Доля колоть дрова с детства, так долго ли умеючи наколоть их три-четыре беремья? Не прошло и часа, как он блаженно опустив веки сидел на табурете у печки слушая вечную музыку огня, чувствуя как по телу медленно разливается долгожданное тепло. Думать о сегодняшнем разговоре с Кургановым и Морозом ему не хотелось, к тому же стало клонить ко сну. Но его мозг, привыкший смолоду напряженно работать, не расслабляться до конца даже в редкие счастливые минуты, вот и сейчас как бы издалека, краешком заставлял его полусонного размышлять и анализировать по поводу тех событий, невольным участником которых он стал за прошедшие два последних месяца...

– Шел спать бы уже, – протарахтела над ухом старуха.

Доля встрепенулся и послушно отправился в свою комнату. Любовно погладил ладонью русскую печь, кожей ощутив чуть затеплившиеся кирпичи, и лег.

– Почему Ралышков как будто оправдывался передо мной в то утро? И вообще кто я для него, всего лишь вольный мастер? Может он надеялся, что я его слова в точности передам кумовьям и они мне поверят?.. Как бы не так. Он явно тогда не договорил. Но про что?.. Завтра же утром скажу началь-

нику цеха, чтоб немедленно перевел меня в ночь, к бригадиру Ральникову...

Третья смена началась в обычном, установленном инструкциями, порядке. Доля, убедившись, что все осужденные приступили к работе, зашел в помещение бригадиров. Ральников был там не один. Выложив захваченную с собой начатую пачку грузинского чая на стол, Доля уходя сказал, что скоро вернется, и чтобы ему заварили чай...

Скоро дверь в его кабинет открылась. Ральников пришел к нему сам. В руках у него дымились две эмалированные кружки. Бригадир выглядел усталым и, как показалось Доле, очень удрученным.

– У тебя, Игорь, руки трясутся, – прямо сказал он, увидев как у Ральникова дрогнули руки, когда он ставил кружки на стол.

Ральников ему не ответил и на предложение сесть, лишь молча кивнул головой. Некоторое время они, не разговаривая, вместе прихлебывали круто заваренный чай. Доля настаивался на трудный разговор. Он чувствовал, что Ральников тоже хочет высказаться, но, видимо, как и Доля, не знает с чего начать.

– Тебя вызывали? – спросил, наконец, Доля.

– Да, – кратко ответил Ральников и тяжело вздохнул.

Похоже он опять замкнулся. Но Доля уже тонко уловил тот момент, когда ему надо придержать свой язык и терпеливо дождаться той минуты, когда Ральников заговорит о зло-

бодневном первым.

– Меня даже на сутки вывозили в СИЗО, – спустя некоторое время признался Ральников.

Доля этого не знал и несколько удивился.

– С чего бы вдруг? Ты разве под следствием?

Ральников отодвинул от себя кружку с остатком остывшего чая и внимательно посмотрел Доле в глаза. Потом опустил голову.

– Понимаете, Александр Васильевич, – тихим голосом проговорил он. – Меня загоняют, или скорее уже загнали в угол, а пожаловаться или просто поговорить у меня не с кем. В вас я вижу прежде всего человека. Причем как и все зеки нашего отряда думают – человека с правильными понятиями...

Бригадир прервался и снова пристально взглянул в Долины глаза. Доля, поощряя его откровенность, одобрительно несколько раз махнул головой. Ральников неожиданно встал, повернулся к нему спиной и задрал нательную рубаху:

– Вот, поглядите, Александр Васильевич, что со мной там сделали.

Долю, уже достаточно повидавшего на своем веку, трудно было чем-либо удивить, но на этот раз увиденное задело его до глубины души. Чуть выше поясницы по обеим сторонам спины виднелись два больших багрово-синих кровоподтека.

– Ни фиги себе! – присвистнул он.

– По почкам били. Самый любимый ментовский метод, –

сказал Ральников. – Они хотят, чтобы я на себя взял Задорожного...

Ральников попросил закурить. Покурив, он едва не расплакался, Доля увидел, как глаза у него повлажнели.

– Понимаете, Александр Васильевич, когда мы с вами на эту тему говорили, я же тогда верил тому, что Задорожный по своей воле вздернулся. А теперь нет.

– Это почему же? – быстро спросил Доля.

– Я сопоставил некоторые факты... Во-первых, не было бы у кумовьев никакого резону на меня мокруху вестить. Во-вторых, незадолго до смерти Задорожного дергали в штаб. По слухам к нему на встречу приезжал какой-то высокий чин из лагерной системы. Просто так к нашему брату, сами знаете, не ездят, а вскоре после той встречи Задорожного не стало. Ну и, в-третьих...

Ральников вдруг замаялся и попросил еще сигарету. – А в-третьих?... – напомнил ему Доля, чувствуя, что его молчание может затянуться и возможно потом он станет не совсем откровенным.

– Простите, Александр Васильевич, но больше я вам сказать ничего не могу. И пусть этот ночной разговор останется между нами.

– Хорошо, – согласился Доля. – Только ты его начал, не так ли? И не лучше бы было в таком случае его продолжить...

Подумав, Ральников мотнул головой.

– Нет, Александр Васильевич, жить охота.

– Ну ладно. Не говори. Кажется я тебе и так уже пове-
рил. Хотя по правде сказать – это всего лишь мое внутрен-
нее убеждение. Ты ничего в свою защиту, что бы можно бы-
ло еще назвать коротким словом «алиби» не сказал. А ведь
не случайно в этом мутном деле с Задорожным выбор пал
именно на тебя. Крепко над этим подумай, Игорь, и если что
надумаешь, приходи.

Ральников ушел. В эту ночь он больше в комнате масте-
ров не появлялся. А утром, как и ожидал Доля, вместе с на-
чальником цеха пришел майор Курганов и сразу вызвал До-
лю к себе:

– Ну, как дела, мастер? – с порога спросил он. – Рассказал
Ральников что-нибудь?

– Так. Кой о чем рассказал.

– Ну и о чем же? – обрадовался Курганов и азартно под-
мигнул Морозу. Доля помедлил, в последнюю минуту ре-
шая, говорить им о побоях или нет.

– Он рассказал, как его в СИЗО возили, и показал синяки
на спине...

Майор сначала побагровел, потом кровь резко отхлынула
от его лица, и оно стало бледнеть от злости.

– А что еще он тебе показал? Может, свою прыщавую жо-
пу? – Нет, только спину, – невозмутимо ответил Доля.

– Так-с-с, – прошипел майор, готовый на всю катушку раз-
разиться гневом.

– Погоди, погоди, – остановил его Мороз. – Давай выслушаем Александра Васильевича до конца.

Майор, недовольно хмурясь, отступил. Достал из кармана и выложил на стол сигареты.

– Ральников отрицает свою причастность к убийству Задорожного, – сказал Доля. – По-моему, он многое не договаривает, и я ему дал совет подумать.

– Так вот, дорогой! – сорвался на крик Курганов. – Пусть он думает, как быстрее явку с повинной написать об убийстве Задорожного, а не то я тебе...

– Чем пригрозил мне Курганов? – размышлял Доля, возвращаясь после ночной смены домой. – Если только валенками? У него ведь больше нечего предъявить мне кроме этих чертовых валенок. И зачем я только взял тогда их у Ральникова? Лучше уж было померзнуть еще неделю до полочки, зато сейчас был бы чист. Не зря Курганов за валенки зацепился, нашел слабое место. То что я сделал, на языке тюремной администрации называется – незаконная связь с осужденным... Так что майор Курганов при желании может поломать все мои планы на будущее.

Мысленно продолжая нещадно ругать себя, Доля незаметно поднялся в гору и ощутив наверху усилившиеся порывы ледяного ветра, втянул голову в воротник. Дом Марии Ивановны уже виднелся невдалеке. Его покрытые инеем подслеповатые окна в лучах восходящего багряного солнца отливали красно-оранжевым цветом. Доля побежал к ним по-ребя-

чь прыгая через комья снега. Хозяйка обещала со вчерашнего дня регулярно топить, и в предвкушении тепла и горячего супа из концентратов ему стало на душе вдруг светло и весело.

В доме и в самом деле было натоплено. Скинув пальто и валенки, Доля кинулся сначала к горячей плите, а от нее к бабкиной комнате.

– Марь Иванна, можно я кипяточку из чайника налью?

– Можно, сынок, бери. Не жаль воды-то, полно вон в колонке. Справишься с делами, так сбегай уж, не поленись с ведрами раза два.

– Ага, Марь Иванна, сбегаяю, – радостно пообещал Доля.

Наскоро закипятив гороховый суп и потом также быстро съев все до дна, Доля, одевшись, бегом пустился по улице с ведрами. По дороге попалась чья-то собака. С оглушительным звонким лаем она увязалась за ним и играючи все норовила схватить бегуна зубами за пятки. У колонки Доля махнул на нее рукой, собака отбежала, но не отстала совсем, а радостно визжа замахала пушистым хвостом.

– Ишь ты, радуется неизвестно чему, – улыбнувшись, подумал Доля. – Наверно оттого, что мне тоже радостно. Да и солнце светит, мороз лютый, снег под ногами скрипит... Ну, да мало ли еще чему радуется псина...

Доля подставил ведро под тугую струю, набрал воды до краев, убрал в сторонку и подставил второе.

– Эх-ма! – крикнул он, подхватив ведра с водой как пу-

шинки и быстро понес их домой.

Через несколько минут он повторит в точности все и собака снова будет провожать его с радостным лаем. А спустя некоторое время, когда он будет лежать в кровати, на него опять перед сном навалятся не простые думы.

– У Курганова, кажется, большой интерес к Ральникову. Он, почему-то очень хочет его упрятать на длинный срок. Соответственно ему поменяют режим с усиленного на строгий и поедет он в Ныроб елки пилить... Но какая все-таки причина? Почему прицепились именно к Ральникову? Может, я в чем-то ошибаюсь, и действительно он убил Задорожного?.. Хотя, опять же интуиция? Она ведь мне верно подсказывает, как тяжкое преступление лагерные опера сначала желали скрыть, а уж после, когда родственники Задорожного пожаловались и прокурор санкционировал эксгумацию, они зашевелились. Нет. Ошибки тут быть не должно. Интуиция хорошая штука, если ей владеешь, меня она еще ни разу не подводила. И, пожалуй, уже сейчас можно прикинуть, что из всего этого следует... А, по-моему, следует то, что факт убийства хотели скрыть, поскольку в преступлении замешаны сотрудники колонии. На это косвенно указывает и то самое письмо, которое я случайно однажды увидел. И выбор пал на Ральникова возможно из-за того, что он был недалеко от места убийства и стал опасным свидетелем. Его вывозили в СИЗО запугать, теперь осталось только дожать, чтоб навязать мокруху. Кандидатура Ральникова, по стечению обсто-

ательств, как никогда подошла, это понимают все. Шутка ли, своего отца точно таким способом замочил, как и Задорожного кто-то... Меня же Курганов хочет использовать лже-свидетелем против Ральникова. Поэтому и исключать нельзя того, что Курганов сам замешан в убийстве...

С этой мыслью Доля крепко уснул. Примерно через семь часов сна он встанет, поест тот же суп из пакетов и уйдет опять в ночную смену.

Бригадира Ральникова он встретил перед началом работы и нутром почувствовал горячее желание Ральникова немедленно высказаться. Но они оба понимали, что делать этого на глазах у нескольких десятков осужденных не стоит и надо ждать подходящего времени. Только глубокой ночью, наконец, удалось им встретиться и перекинуться наедине несколькими словами.

– Александр Васильевич, – приглушенным голосом проговорил вошедший в комнату мастеров Ральников и с опаской оглянулся на дверь. – Я хочу вам кое-что показать, но предупреждаю, в случае чего это может стоить вам карьеры...

– Это касается Задорожного? – быстро спросил Доля. – Если так, то я согласен.

– Хорошо. Тогда я жду вас через двадцать минут в соседнем цехе у склада готовой продукции...

Сказав, Ральников исчез. Доля нисколько не сомневался в том, идти ему в назначенное место или нет. Он с го-

ловой окунулся в свою стихию профессионального опера, и его было ни напугать, ни остановить, азарт уже толкал его вглубь. Одну за другой выкурив подряд две сигареты, Доля, за несколько минут до обговоренного времени, одевшись, вышел.

Соседний цех в ночную смену не работал и потому в крошечной темноте, недалеко от высокого забора с колючей проволокой вверху казался заброшенным, зловещим местом. Одна половина ворот была предусмотрительно открыта, и Доля беспрепятственно проник на первый этаж, где слева, он помнил, был склад.

– Сюда, Александр Васильевич, – позвал Ральников.

Пройдя несколько шагов и ткнувшись в него, Доля остановился, не зная как ему поступить дальше. Ральников взял его за руку и подвел к стене.

– Здесь щель, Александр Васильевич, смотрите через нее на улицу, а я буду вам комментировать. Через пару минут возле вахты движение начнется, короче увидите сами...

Доля приник к щели, прямо перед тазами находилось КПП. До него было метров пятьдесят, не больше и при достаточном освещении все просматривалось как на ладони.

– Сейчас, Александр Васильевич, потерпите немного, – прошептал Ральников.

– Не волнуйся, Игорь, – успокоил Доля. – Сколько надо, столько и буду ждать.

Не успел он проговорить, как Ральников забеспокоился:

– Вон. Вон идет прапорщик, видите?

– Ага. Вижу, – подтвердил Доля и плотнее прижался к щели.

– Посмотрите вправо! – яростно шепнул над его ухом Ральников.

Доля перевел взгляд вправо и увидел две маячившие там фигуры в военных полушубках.

– И тут тоже прапора, видите?

– Вижу, вижу.

Прапорщики явно не хотели быть замеченными. Они скрывались от ненужных глаз в закутке возле котельной.

– Хороший у тебя наблюдательный пункт, Игорь, – не преминул похвалить Доля.

– Сейчас, сейчас, еще чуток, Александр Васильевич, и такое начнется... – нетерпеливо переступив с ноги на ногу, пообещал Ральников.

Между тем прапорщик, которого они заметили первым, дошел до КПП и поднял руку, по-видимому, собираясь нажать на кнопку звонка. Скоро дверь со звонким щелчком открылась, он вошел внутрь, и она снова закрылась.

– А теперь слушайте, – предупредил Ральников.

Доля послушно напряг слух. Почти в абсолютной тишине уловить любой посторонний звук было нетрудно. Вскоре где-то невдалеке послышался шум мотора. Машина, судя по звуку легковая, тронулась с места, и стала быстро удаляться от зоны.

– Теперь прапор с воли вернется, – сказал Ральников.

– Что все это значит? – не отрывая глаз от щели, уточнил Доля.

– Это значит наркота и водка сейчас зайдет в зону. А потом ее прапора разнесут по клиентам. Я уж не первую ночь за ними наблюдаю. С тех пор, как, меня с ни с хера, прессовать они начали.

– Ты их по именам знаешь?

– А как же. Там Дыня, Хохол и Жирный. Они тогда и были возле Задорожного.

Доля, оставив щель, повернулся к нему. Но как ни хотел, а выражение лица его не разглядел.

– Идет, идет, Александр Васильевич. Смотрите...

Возвратившись в зону, прапорщик сделал несколько шагов от КПП, и воровато покрутив головой по сторонам, пошел к своим товарищам у котельной. В руке он нес большую темную сумку и по тому, как он ее нес, склонившись на правый бок, она была нагружена чем-то тяжелым. Приблизившись к сослуживцам, он опустил сумку на снег и присел рядом.

– Сейчас куш делить начнут, – прокомментировал ситуацию Ральников.

– Ну, а потом? – спросил Доля.

– А потом, уважаемый Александр Васильевич, они разнесут его, «бабки» поделят и конец. Я все понял, как произошло тогда с Задорожным. По-моему, он выследил пра-

поров по заданию того «шишкаря» из УИТУ. Не берусь пока утверждать, но мне кажется тот тоже продажный, все они одним миром мазаны. Что-то у Задорожного не так получилось. То ли он на них напоролся и шум поднял, то ли прапора уже сами его пасли. В тот раз я будто тоже назло себе на участок гальваники поперся. Видать в то же самое время прапорщики там Задорожного и удавили и петлю только что смастерили, ее я сам заметил.

– Ты же еще недавно говорил мне по-другому, – прервал Доля. – Утверждал что самоубийца он...

– Так ведь я уж говорил вам, Александр Васильевич, повторяться сейчас не стану. Мысли-то поперли в голову, когда на меня мокруху стали вешать. А в ту роковую ночь они меня подозвали, спрашивают, «видишь»? Я сказал, вижу. Жить ему говорят надоело в зоне, взял и вздернулся. Сняли с петли, а он уж готовый. Ну чего, скажите, Александр Васильевич, оставалось мне больше думать. Еще приказали, иди, мол, к мастеру скажи, что его работник повесился, да пусть к нам сюда мухой летит.

– Так Славик с ними выходит в ту ночь водку и жрал, – догадался Доля.

– А то как же, конечно с ними. Прапора после в цех приволоклись, к вам в комнату мастеров зашли. Пировали там со Славиком чуть не два часа. Это когда вы появились, так уже другая смена подоспела. Дневные прапора для разминки сразу с обыском к нам и повалили...

– Да-а-а, – озабоченно сказал Доля. – Серьезными, однако, делами пахнет. Ради денег эти людишки ни перед чем не остановятся.

– Вот, вот. И я точно так же думаю, – подхватил Ральников и повысив голос с отчаяньем спросил. – Мне то как быть, Александр Васильевич?! Посоветуйте! Меня ведь хоть так, хоть эдак, а все равно уберут.

– Не шуми, Игорь, я как раз над этим сейчас думаю...

Доля не обманывал. Он действительно спешно прокручивал в голове различные варианты, думая, что ему в такой ситуации предпринять. Конечно, хотелось бы не затягивая и не особо мудрствуя разом покончить с участниками убийства Задорожного.

– Ты вот что, Игорь. Давай-ка чеши в цех, да организуй там мужиков. Только работяг, понимаешь? И жди моего сигнала. Свистну, тогда выламывайтесь из цеха, и дальше я скажу, что делать.

– Хорошо, – без лишних слов согласился Ральников и тут же будто растворился во тьме...

Прапорщики в это время по очереди опустошали сумку, распахивая по карманам и за отворот полушубков ее содержимое. Доля все с усиливающимся беспокойством наблюдал за ними.

– Кажется, наконец, все, – прошептал он, глядя на то, как последний из них положил себе что-то и стал сворачивать сумку. – Теперь они постараются товар немедленно сбыть

и спокойно будут дожидаться смены.

Прапора, один за другим пошли вверх по промзоне, а затем резко свернули влево.

– На гальванику оборотни подались. Видать здорово прикормлено там местечко, – подумал Доля.

Они скрылись, и скоро туда же вслед за ними пробежали три зека.

– Ага. Так и есть. Блатота зоновская к ним потянулась. Еще пару минут и пожалуй пора...

Доля вышел из своего укрытия на улицу и, с минуту пождав, громко свистнул.

Со второго этажа, как горох, посыпались на лестницу осужденные. Всего было человек около двадцати.

– Хватит, – пронеслось в Долиной голове. – Только б теперь не подвели.

Он отчаянно замахал им руками и, уже не таясь, крикнул.

– Игорь! Веди всех на гальванику. Закрывайте там ходы, чтоб никто не ускользнул, а я пока дежурного по колонии вызову...

Житуха

Доля ехал в родительский дом. Пригородный лысьвенский поезд тащился посреди бескрайних хвойных лесов, часто пересекая по железнодорожным мосткам многочисленные ручьи и неширокие речки. Громким гулом отдавали железные мостки, как только поезд выезжал на них, и каждый раз Доля невольно отрывался от своих невеселых размышлений.

Еще совсем недавно, на прошлой неделе, закончилось почти двухмесячное расследование убийства Задорожного и ему все это время жилось непросто.

– Вывернулся таки Курганов, – думал он. – Арестовали, как водится, одних стрелочников – прапоров и разную блать из осужденных. Прапоров за убийство, Славика и блатных за наркотики... Впрочем, мне все равно. Главное, справедливость, при моем участии, все-таки теперь торжествует...

Доля припомнил все детали того задержания, когда он с помощью корешей Ральникова блокировал на гальваническом участке прапорщиков, и как потом вместе с ДПНК их прижал, что называется к стенке, забрал наркоту и в деталях, перед всеми, восстановил всю картину убийства Задорожного...

Загрохотал очередной мост и Доля посмотрел в окно. За окном темень. В вагоне тепло и уютно. Он, как никогда,

был сыт, в кармане лежали небольшие деньги. Доля нащупал их и улыбнулся.

– Что ни говори, а ведь жизнь налаживается. Я еду с билетом и меня теперь никто не высадит, как тогда в середине октября на полустанке...

Железный мост остался позади, и он опять мыслями окунулся в недавнее прошлое.

– Однозначно, Курганов мне этого не простит. Слух прошел, что его в лес отправят дослуживать, но это меня не спасет. Связей тут у него везде достаточно, он открыто намекнул, что мне скоро несдобровать. И опять неизвестно потом что?.. Черт возьми, когда я, наконец, буду вести себя, как другие?! Когда я стану подстраиваться под обстоятельства?!.. Может, уже никогда? Может поздно меня переделывать и какой уж есть. Ведь сам себя сызмальства воспитывал в таком духе...

Доля резко поднялся, быстрыми шагами вышел в тамбур и там закурил. Окна на двери вагона и сами двери сверху до низу были покрыты толстым слоем инея. Он подышал на окно и в образовавшийся прозрачный кругляшок попробовал разглядеть местность, но кроме темных очертаний больших и величественных, заснеженных елей, устремившихся ввысь, ничего не увидел. Из вагона в тамбур открылась дверь и показалась старушка.

– Сынок, далеко ли до Вереинской будет? – проскрипела она.

Доля смешался и от замешательства опять взглянул в бесполезное в этом случае окно.

– Не знаю, бабушка.

– Сейчас оно, Вереино-то, скоро уже, – радостно ответила бабка на свой же вопрос. По-видимому, очень довольная собственной осведомленностью.

Поезд, между тем, сначала тихо, затем все громче и громче стал визжать тормозами и вскоре остановился. Проводница не вышла. Доля дернул на себя примерзшую дверь и открыл ступени.

– Выходи, бабушка.

– Спасибо, сынок, спасибо, – отблагодарила старушка и торопливо полезла по ступенькам вниз, на занесенный снегом перрон.

Высунувшись на улицу Доля увидел два-три огонька вдалеке и все. Больше ничего жилого вокруг, насколько хватало глаз.

– Как вам живется тут, бабушка? – невольно вырвалось у него.

Старушка, уже направлявшаяся в сторону огоньков, остановилась и неожиданно зашагала обратно к вагону.

– А какая жизнь, сынок? Если б не коза, так давно бы уж сдохла я с голоду. Перебиваемся, сынок, где грибами, где картошкой с солеными огурцами. Жалко, что водку не продают, рассчитывать за сено нечем, а самогон страшно стало гнать, посадили на прошлой неделе бабу из Рассольного

за него. Так дальше дело пойдет, дак козу изведу, вот и кончится вся моя жизнь...

Локомотив засвистел, поезд дернулся и плавно поехал дальше.

– Не горюй, бабушка. Может еще все наладится, – успел крикнуть на прощанье Доля, не веря в то, что сказал, и старушка от сердца помахала ему рукой.

Он выкурил еще одну сигарету. Вернулся снова в вагон и, сев на свое место, на этот раз крепко уснул.

Забившись вместе с толпой в автобус первого маршрута, Доля поехал с вокзала в Комсомольский поселок, родители переехали туда недавно из старого двухэтажного деревянного дома по Белинской. Он не бывал в том поселке с детства и, выйдя на остановке, не узнал того места, где некогда находились казармы, пользующиеся у горожан дурной славой. Теперь вместо них по всей округе стояли пятиэтажки. Спросив у людей интересующую его улицу, Доля отправился куда ему указали и скоро оказался у нужного подъезда серого панельного дома...

Дверь Доле открыл отчим. Несколько секунд вглядывался в позднего гостя, затем, узнав, громко охнул от неожиданности и они крепко обнялись. Из глубины квартиры послышался глухой голос:

– Кто там, Афанасий?

Доля высвободил из своих объятий отчима. К горлу подступил удушливый ком.

– Мама? – сдавленно спросил он.

– Да, – сказал отчим и торопливо предупредил. – Ты осторожней с ней, больная она очень...

Доля кивнул и, не раздевшись, пошел туда, откуда раздался голос матери. Она сидела в полумраке на диване, по-видимому, собиралась спать.

– Мама! – вскрикнул он, приблизившись к ней и в порыве опустился перед ней на колени. После он забормотал что-то несвязное, а она, нащупав рукой его голову, молча гладила и, от волнения, часто и глубоко вздыхала.

В комнату зашел отчим, включил свет. Доля увидел мать и у него непроизвольно навернулись слезы. Нет, он не расплакался, удержался, но впервые за многие годы, как никогда был близок к этому.

– А она постарела, – с горечью подумал он. И боясь, что сейчас мать начнет спрашивать как он тут очутился, попытался соврать. – Я, мама, перевелся из Крыма и живу теперь недалеко от вас...

– Я все знаю, Сашенька, – остановила мама. – Любины родственники давно что попало болтают. Только все это время я не знала где искать тебя.

Доле стало невообразимо стыдно. В эту минуту он мысленно проклинал себя за то, что не поехал к матери сразу и хоть чем-нибудь не помог ей.

– Иди, Сашенька, перекуси с дороги. Отец тебя покормит. Поговорим потом обо всем.

Постояв еще несколько секунд перед ней на коленях, Доля поднялся, поцеловал ее мокрую от слез щеку и послушно пошел сначала в прихожую раздеться, а оттуда на кухню.

Отец там уже вскипятил на газовой плите чайник, порезал колбасу и хлеб.

– Колбаса? – удивился Доля.

– Достаяю, – не без гордости сказал отчим. – По талонам два килограмма на двоих на весь месяц мало. Меня от автопредприятия посылают на фургоне магазины обслуживать, так я блат в некоторых заимел. В «Ветеране» вот колбасой отоваривают. Ешь, не жалея, Сашок, послезавтра привозной день, достанем еще.

Доля сделал бутерброд с колбасой и отпил из кружки глоток чаю.

– Извини, без водки живем. Налил бы, – виновато проговорил отчим. – Негде взять водку теперича. Сам-то сколь лет не пью, а иной раз так надо бы ее для дела, а нету. Талоны вон лежат на два литра. А, поди ж ты попробуй, возьми. В городе только в одном магазине дают, давка страшная...

Афанасий рассержено засопел, взял пачку «Примы» с холодильника и закурил сигарету.

– У меня конфеты же есть, – спохватился Доля и, вскочив, побежал в прихожую. Достал из сумки большой кулек с конфетами и поднес их матери:

– Мама, угощайся. Здесь твои любимые шоколадные батончики. Случайно удалось купить в гастрономе.

Мать, улыбнувшись, покачала головой и неловко попыталась взять кулек в руки. У ней это не получилось. Бумажный кулек вывалился из рук, конфеты рассыпались по полу и она беззвучно заплакала.

– Ничего, мама, ничего. Не обращай внимания. Не плачь. Сейчас я мигом их соберу, – стал успокаивать Доля, сам едва сдерживая, готовые вот-вот вырваться из глотки рыдания.

Он бросился на пол, быстро собрал конфеты, благо они были все в обертках, и выложил перед ней на диван.

– На, мама. Я знаю, ты обязательно поправишься. Все будет хорошо.

– Иди, сынок. Иди к отцу, поешь с дороги, – всхлипывая, ответила мать. – Обещай, что ты успокоишься и больше не заплачешь. – Я уже спокойна, сынок, иди, дорогой, иди. Доля развернул несколько «батончиков».

– Пробуй, мама. Они должно быть свежие.

– Хорошо, хорошо, сынок. Спасибо тебе. Иди уж скорее... Убедившись, что мать и в самом деле немного успокоилась и перестала всхлипывать, Доля вернулся на кухню.

– Так вот и существуем, Саня, – шепотом пожаловался отчим. – Мне хоть разорвись. Полтора года до пенсии осталось, дорабатывать надо, а за ней уход нужен. Ладно на машине езжу. Нет, нет, да заеду домой, накормлю ее, а то бы дело совсем хреновое было.

Доля отодвинул от себя недоеденный бутерброд, выпил сладкий чай и понурился:

– Чем помочь ей, отец?

– А чем поможешь? Сам понимаешь, паралич у нее. Каким-то чудом еще жива осталась, могла сразу на тот свет отправиться...

Отчим встал с табуретки, сходил в комнату и принес бумажку:

– Вот тут лекарство написано, его днем с огнем не сыскать, читай. Я никак разобрать не могу, врач писала.

Доля с трудом разобрал написанное латинскими буквами слово «цере-бролизин».

– Я постараюсь завтра достать это лекарство.

– Хорошо бы, Саша...

Беседа на кухне у них затянулась надолго. Когда решили идти отдыхать, мать уже в этот час спала.

Отчим постелил Доле на раскладушке, себе на разложенное кресло и, устраиваясь ночевать, сказал полусонным голосом, тихо, спокойно, как будто о чем-то пустом:

– Твоя Любка, говорят, замуж там вышла, мужика в дом привела.

Кровь прилила к лицу у Доли, он внезапно закашлялся. Его словно ударили чем-то тяжелым по голове, и удар был настолько сильным, что на некоторое время он даже потерял дар речи.

– Что, что ты сказал? Повтори, – наконец спросил он, с трудом произнеся слова.

Отчим, кажется, засыпал. Хрипнул, перевернулся на дру-

гой бок, но прежде чем окончательно уснуть, все же ответил:

– А чего повторять, ты не ослышался. Валька, сноха ихняя, нашему Сережке говорила. Завтра поди с утра водку выкупи. Посидите с ним, выпьете, он тебе все точно обскажет...

Храп заглушил последний его слог и Доля, подумав, как отчим сильно устает, не решился его будить.

– Нет. Тут определенно что-нибудь напутали, – подумал он. – Этого просто не может быть. Ведь я недавно отправлял ей деньги. Почти все деньги, какие получил за месяц, и пришло подтверждение, что она их получила. На Новый Год она мне присылала письмо и, вроде, все в нем нормально. Завтра я, конечно, попытаюсь узнать правду... Но, Господи! Что, если это так и есть? Если да, то это ж немыслимое предательство...

К вино-водочному магазину Доля подошел за час до открытия и ужаснулся, народу стояла тьма. Ему пришлось становиться в хвост длиннющей очереди, которая, извиваясь, выходила на соседнюю улицу.

– Простою часа полтора или даже два, не меньше, – подумал он. – Хоть бы братан подошел. Афанасий обещал, что он будет.

От нечего делать Доля покурил и, смирившись, начал приглядываться к соседям по очереди. Впереди были женщины, а позади него встали трое мужчин. Рядом с ним оказался высокий, молодой человек в дубленке и ондатровой шапке.

– Ему-то что здесь делать? – подумал Доля. – С виду – солидный мужик и туда же... А, впрочем, я сюда пришел не по желанию выпить, а по случаю. Надо же помочь своим, пропадут талоны. У этого мужика, возможно, такая же история, или что-нибудь другое, да мало ли еще что...

Доля, предупредив тетку впереди, отошел ненадолго, решив проверить, не появился ли где-нибудь Сережа. Походил справа и слева, вглядываясь вдаль по улице, но брата нигде не увидел. В это время к магазину стал приближаться милиционер. Люди заволновались, очередь пришла в движение, и не прошло минуты, как она выровнялась в колонну по одному.

– Милиция, милиция, – волной покатило из уст в уста, начиная с головы в хвост. – Значит, скоро магазин откроют.

Доля посчитал нужным вернуться на место.

– Надо бы друг за дружку схватиться, – сказала ему тетка. – Это как же? – спросил Доля, недоумевая.

– Ну, вы меня в обхват по талии сзади, а я впереди себя женщину. Вас обхватит мужчина в ондатровой шапке.

– А зачем? – все еще недоумевая, поинтересовался Доля. – Мы ведь еще не падаем от усталости.

– Э-э-э, да я погляжу, вы новичок. Да затем, молодой человек, чтоб вас из очереди не выбили. Сейчас шпана прибежит к открытию и тут такое начнется...

– И что же по вашему начнется?

– А скоро сам все узнаешь, – разозлилась тетка. Сплюнула

и отвернулась.

– Сволочь горбатая, козел меченый! – неожиданно взорвался мужик в дубленке. – Измывается над людьми словоблуд, чтоб ему ни дна, ни покрывки.

Доля понял о ком идет речь и, поглядев на него, одобрительно кивнул. Увидев поддержку своим словам, мужчина в ондатровой шапке вдобавок поругался матом, а затем обратился к нему:

– Вы не находите, молодой человек, что эти очереди за водкой можно истолковать как геноцид против собственного народа.

– Наверно так, – согласился Доля. – По-другому можно еще сказать – безответственность, вкупе с наплевательским отношением к людям.

– Вы будете стоять до победы? – спросил молодой незнакомец с какой-то особенной теплотой в голосе.

– Да, конечно. Мы тут договорились с братом встретиться, так что я пока никуда.

– Очень хорошо, – обрадовался он. – Мне надо сходить домой, переодеть обувь. Я недалеко отсюда живу. Надеюсь, по возвращению, вы в лицо меня узнаете?

Доля кивнул и из любопытства взглянул на его ноги. Мужчина был обут в легкие ботинки. В отличие от него Доля на этот раз щеголял в высоких черных валенках отчима.

– Куда бы я без них, – с довольством подумал он про свою обувку. – Впрочем, еще стоять и стоять. При двадцатигра-

дусном морозе и валенки не спасут.

Доля посмотрел на часы. Вытянул шею, желая узнать, что делается у входа в магазин. Торговли там еще не наблюдалось, хотя, судя по стрелкам часов, время открытия уже наступило.

– Где же Серега, едрена корень? – мысленно выругался он и, сожалея, что столько времени придется ему провести у магазина, если брат не придет, подумал о том, что ему надо будет обязательно успеть сделать до вечера. – Сперва, надо маме достать лекарство, – решил он. – Ну, и после разобраться со своими личными семейными делами. Ради этого придется сходить к теще и самому все выяснить, а дальше станет видно, что мне делать. Может, поищу старых друзей, с ними не грех и выпить...

Доля заметил, что очередь зашевелилась и, как еще недавно то же самое предлагала сделать ему соседка, люди вдруг все как один впереди него, словно по чьей-то команде обхватили друг друга за пояс, и это чем-то напомнило ему детскую игру в паровозик, когда за отсутствием в садике игрушек, дети, под надзором воспитательницы, сами изображали и паровоз и вагоны. Кстати, Доля всегда хотел быть паровозом. Вспомнив пришедший внезапно на ум эпизод из прошлого, он широко улыбнулся, но в ту же минуту по-сумашедшему завизжали женщины и от того, что он вслед за этим увидел, ему стало не по себе, и улыбка с лица исчезла... Недалеко от открывшихся дверей магазина четверка рослых пар-

ней одного за другим кинули трех своих дружков на стоящих в очереди людей, и те по головам энергично поползли ко входу... Милиционер дул в свисток, но трель свистка лишь подзадоривала разгоряченных хулиганов, очередь местами смешалась, из нее понеслась площадная ругань.

– Вот, я же говорила вам, – крикнула, обернувшись к Доле, тетка. – Эти водки наберут, уйдут, другие заявятся и нам только держись.

Доля молча принял ее упрек. Ему сильно захотелось курить с досады. Он шагнул в сторону, достал сигареты и, пряча в ладонях слабый огонек зажженной спички, прикурил сигарету. Скоро он повторно убедился, что соседка была права. Через полчаса подошли другие похабные парни и проделали такой же трюк, как и предыдущие хулиганы.

– Пойти помочь, что ли? – подумалось Доле, но он, немного поколебавшись отбросил эту мысль по причине того, что наводить порядок вдвоем в таких условиях ему показалось безнадежным делом.

Мысленно он уже не раз пожалел милиционера у входа. Возбужденная толпа никак его не хотела слушать. Не смотря на запрет, народу в магазин прорывалось значительно больше, чем требовалось, и тогда представителя власти часто сметали с поста. И надо отдать ему должное – он в таких случаях не терялся, а сразу приходил в себя и, снова заняв свое место, какое-то время, ситуацию сдерживал.

– Что же ему усиленный наряд не пришлют? – посочув-

ствовал Доля. – Разве можно одному тут справиться, неужели начальство не понимает? Так гляди под шумок еще и поддадут ненароком.

– Хватайся за переднего! Что стоишь как истукан?! – крикнул кто-то сзади и он, теперь понимая необходимость этого маневра, безропотно взялся за тетку, и тут же самого его обхватили тоже.

– Все. Сейчас у меня одна дорога, прямо в вино-водочный магазин. Отсюда без водки не выпустят, – с иронией усмехнулся Доля, представив себя со стороны.

По мере продвижения Доли к заветному входу, обстановка все накалялась и он вместе с другими выдержал еще несколько попыток чужаков нахрапом влезть в очередь. Наконец, осталось до двери всего метра три. Это означало, что в следующую партию Доля непременно попадет к прилавку. Кажется, пошла уже последняя минута. Видно было, как милиционер приготовился изнутри открыть дверь и Доля сосредоточился, будто собираясь прыгнуть в очень холодную воду.

– Пошли! – крикнула женщина и он, крепко держась за ставшую в доску своей тетку, двинулся вперед.

Ему осталось только переступить порог и вот тут-то произошла заминка... Поскользнувшись на обледеневших валенках, он упал на входе.

– Мужик с сердцем плохо! Мужик упал! – истошно заорала соседка по очереди и тем самым возможно спасла

его от увечий. Благодаря ее крику народ приостановился и не стал топтать Долю, дав ему возможность подняться.

– Гражданин, вам помочь? – строго спросил милиционер.

– Нет. Все в порядке, – пробормотал Доля, морщась от резкой боли...

Спустя двадцать минут он с четырьмя бутылками водки «Пшеничная» в руках, ощущая на себе завистливые взгляды тех, кто еще продолжал торчать у вино-водочного магазина, ушел по лестнице к универсаму, в надежде встретить брата. Там, постояв немного и перекурив заодно, Доля направился на известную ему улицу Кирова к дому Красильникова, надеясь с помощью старого друга раздобыть для матери нужное лекарство. Взглянув в последний раз на томящихся людей, мимоходом вспомнил того солидного молодого мужика в ондатровой шапке, ушедшего из очереди домой переобуться и не вернувшегося обратно.

– А он чем-то мне интересен, – подумалось ему. – И не потому, что вид у него опрятный... Ишь, как ловко вытянул меня на разговор и потом смылся. А я то, дурак, разоткровенничался. Хотя, впрочем, по-моему, я сдержанно высказался. Ишь ты, как он ладно кроет генерального секретаря и не боится? Нет. Не спроста это. Обстановку видимо изучает, чтоб после доложить кому следует по команде. Ну, да что с него взять, видно это его работа. Только вот когда мы-то не будем с оглядкой говорить то, что думаем?..

– Саша, Саша! – раздалось сзади, и это помешало его

дальнейшим размышлениям.

К нему с виноватой улыбкой приближался брат Серега. Они, перекинувшись несколькими словами, потом вместе пошли к Красильшкову. К счастью тот по случаю выходного дня оказался дома.

– Как говоришь, церебролизин? – задумчиво переспросил Володька Красильников, выслушав братьев. Доля подтвердил. После чего наступила томительная пауза. На него одного в этом городе своего детства рассчитывал Доля и поэтому ждал ответа волнуясь.

– Ну, хорошо, – через несколько минут сказал Красильников. – Есть тут у меня кое с кого получить должок, этим сейчас и займемся...

К вечеру они усталые, но довольные собой за то, что лекарство удалось достать и слегка хмельные по тому же поводу, втроем подошли к дому, где проживал Долин тесть Николай Бушков. У подъезда Доля в нерешительности остановился:

– Может, Серега, тебе сначала сходить, узнать у них, что по чем, а после уж я.

– Так мы с евонной снохой Валюхой три дня назад базарили. Она мне все как есть выложила про Любку. Говорит она сама им звонила и говорила про мужика. О чем еще-то спрашивать?

– Спроси Валентину и тещу Полину Ивановну, отвечают они за свои слова или это так болтовня, ради того, чтоб я

отсюда сорвался и обратно в Крым двинул.

– Сам-то что, трусишь спросить?

– Нет, Сережа, спросить не боюсь. Боюсь одного – сорвусь я, наломаю дров и понесется: милиция, суд, не дай Бог, и тогда мне вилы...

Доля убедительно ткнул себе в горло двумя растопыренными пальцами, памятуя некогда увиденный им в зоне строгого режима зековский жест.

– Иди, Серега, иди. Правильно Саша говорит, нельзя ему, – пьяно покачиваясь, пробурчал Красильников.

– Ладно, схожу, – согласился Серега. – Вы только без меня всю водку не выпейте.

– Да ты что, брат, – обиделся Доля. – Тут еще целая литра. Разве нам выжрать без закуски столько? Ну, пока ходишь, может быть, и сделаем по паре глотков...

Серега ушел в подъезд. Доля с Красильниковым нашли укромное место и открыли бутылку «Пшеничной».

– Ты знаешь, Степка умер, – сделав глоток из горлышка и вытерев рукавом губы, сообщил Володька.

Доля, намереваясь вслед за ним выпить, опустил бутылку.

– Да ты что? Совсем ведь еще молодой мужик был. Даже как-то не верится...

– Пьянка, – со вздохом произнес Красильников. – Он последнее время жутко пил и вот результат...

– Не один же пил. Наверняка с друзьями, – помолчав, сказал Доля.

– Ну, да. Конечно. Дружки из его дома не вылазили.

Доля, не выпив водки, поставил бутылку в снег и, горячаясь, спросил:

– А помирал когда, небось никого и рядом с ним не было и зарыли его потом как собаку. У него, кажется, и родных уже никого не осталось.

– Я то тут при чем. Че, я ему друг что ли? – обиделся Красильников. Доля, нервно ломая спички, закурил.

– Прости, Володя. Меня что-то за душу взяло. Как никак со Степкой мы дружили с детства. Знаешь о чем я вот только что подумал?

– Нет, не знаю. Говори. Я внимательно слушаю, – Красильников икнул и обнял Долю за плечи.

– Я подумал о том, что собутыльники, как водится, пьют вместе, а когда смерть подступит, то каждый из них умирает в одиночку. Всех дружков будто корова языком слизывает.

– Это ты верно сказал, – икнув, похвалил Красильников и крепче обнял Долю.

– Ну что, мужики, не всю еще водку выпили? – подойдя к ним, весело заговорил Сергей.

– Ну, чего там? – нетерпеливо перебил Доля.

– Давай вначале глотну и все тебе расскажу, а ты уж потом решай, как тебе поступить. Может, морды пойдешь им бить.

Красильников убрал руку с Долиных плеч, подал Сергею бутылку. Тот отпил из нее немного, скривился, вытер губы тыльной стороной ладони, затем, отняв у Доли дымящуюся

сигарету, сделал несколько затяжек и после этого рассказал о том, с чем вернулся.

– Валюха все подтвердила, о чем в прошлый раз говорила. Твоя теща, Полина Ивановна, как коршун налетела на нее и на меня. Заорала, что он сам виноват во всем, то есть ты, и пусть, значит, сам расхлебывает, а ей мол подробности про теперешнюю жизнь своей ненаглядной дочки неизвестны. Она, стерва, чуть не вытолкала меня. Я даже опасался, что царапать начнет. Ты, Саня, правильно сделал, что не пошел туда.

– Давай, Серега, говори толком, о чем Валька болтает и можно ли ей верить, – хмуро попросил брата Доля.

– Я ей, Саня, на все сто процентов верю. Какой ей резон тень на плетень наводить. Да и теща, хотя и вскользь, но тоже подтвердила измену твоей Любки. Короче, она недавно звонила, сказала, чтоб передали тебе, что она там, в Крыму, замуж вышла и живет со своим новым мужиком в твоей квартире. Еще просила передать, что на алименты подавать не будет, дескать, не нуждается в деньгах, новый муж хорошо зарабатывает. Вроде бы он какой-то начальник в санэпидемстанции. Вот, все. Больше я ничего от Вальки не слышал.

– Так, так, так, – задумчиво произнес Доля. Сел на ступеньку и, растерянно сняв с головы шапку, закрыл ею лицо.

– Да брось, Сашка, убиваться. Подумаешь, твоя баба теперь с другим спит. Вон их сколько этих баб ходит – красивых, незамужних. Только свистни, сами прибегут, – попы-

тался успокоить Красильников.

Доля сгоряча далеко швырнул от себя шапку:

– Нет, Володька, тут совсем другое, не то что ты думаешь. Я понимаю – многое женщине можно простить, и даже, хоть это очень больно бывает, физическую измену. С ее же стороны здесь самое настоящее предательство, а оно тяжелее бьет по душе. Эта сука Любка прекрасно знает, почему я уехал на Урал. Я справедливость в отношении себя восстановить хочу. Мне сейчас очень трудно приходится в чужом городе без друзей, без денег и жилья. Она будто момент подобрала ударить мне в спину, чтоб я страдал сильнее и чтоб никогда больше не поднялся. Еще она, подлая, хорошо рассчитала, подобрав момент, когда мне поехать туда никак нельзя. Только появлюсь, повяжут и уже на этот раз меня из камеры точно не выпустят.

Доля в сердцах сматерился и достал сигареты.

– Выходит, брат, ты остался, как говорится, ни с чем, в одних трусах, – посочувствовал Серега.

Доля, не ответив ему, глубоко вздохнул. По тому, как беззвучно шевелились его губы, можно было предположить, что он глубоко переживает случившееся и сейчас, не замечая ничего вокруг, разговаривает с самим собой.

– Серега, – наконец сказал он вслух. – Это для меня теперь не главное. Тряпки, вещи пропали, да хрен на них. Главное теперь, пережить бы предательство.

– На-ка, Саша, глотни еще, сразу полегчает, – подал голос

Красильников. Доля принял из его рук бутылку. Долго раздумывал, пить ему или нет, а затем, неожиданно бросив бутылку в снег, кинулся в сторону тещинового подъезда.

– Серега! Держи его, держи! – закричал Красильников. – Ох, блин и натворит же он там делов...

Доля успел добежать уже до подъезда, но здесь брат настиг и, сходу прыгнув на спину, повалил его в сугроб.

– Володя, помоги, вырвется! – крикнул Сергей, с трудом удерживая под собой старшего брата. Красильников, подбежав, навалился на них обоих сверху и тяжело дыша заговорил:

– Саша, послушай меня, чудак-человек. Ну что ты им докажешь, ну что?! Лучше сегодня остановись и потом докажи им всем, что ты многого стоишь в этой жизни, пусть она локти кусает, стерва, вместе со своим коновалом...

Красильников, успокаивая, продолжал говорить другу хорошие слова и иногда молоть чепуху, а Доля, несмотря на уговоры, все барахтался под ними и только когда он с головой зарылся в снег, у него не стало воздуха и он начал задыхаться, тогда постепенно стих и глухо застонал внизу.

– Все, – сказал Серега. – Кажется, успокоился. Отпускаем его, Володя, а то кабы не задохся.

Они, перестав Долю удерживать, поднялись и встали неподалеку, разом протрезвевшие, поняв постигшее его несчастье, в одночасье лишившего их брата и друга последнего того, что еще у него оставалось и в особенно трудные

минуты жизни морально поддерживало и придавало ему сил.

– Пойдем, Саня, – наклонившись, позвал Серега присмирившим голосом.

– Вставай, замерзнешь, – повторил следом за ним Красильников. – Надо вмазать водочки, полегчает.

Доля, некоторое время еще полежал не двигаясь, глубоко и часто вдыхая морозный воздух, потом подобрал под себя ноги и медленно встал на колени:

– Я больше не пью мужики. Пейте без меня, – тихим, но твердым голосом произнес он, и наступила пауза.

– Только сейчас не будешь или вовсе бросил? – решился спросить Серега.

– Пока не добьюсь той цели, ради которой приехал, ни капли не выпью.

– Это слишком громкое и ответственное заявление, – шутя сказал Красильников. – Придется, Сергей, нам вдвоем продолжить. Пойдем, а то не успеем, твой брательник сгоряча последний пузырь кинет в сугроб.

– Ничего нет худшего, мужики, когда топишь горе в вине. Есть шанс очень скоро самому утонуть в нем, – бросил им Доля, быстро встал на ноги и задержал взгляд на окнах третьего этажа. Там проживала теперь уже бывшая его теща...

Он почти сразу после этого ушел домой. А на другой день, уезжал от родителей еще больше расстроенный. Кроме всего, что на него за последнее время свалилось, в родительском доме оставалась тяжело больная мать, и он переживал,

что ничем не мог ей помочь. Лишь только самую малость утешала мысль, что лекарство, добытое им, пришлось кстати и врач, заходившая утром, пообещала, что оно обязательно матери поможет.

Придя за несколько минут до отхода автобуса, Доля решил подождать его на улице и скоро в числе первых занял свое место впереди салона, недалеко от водителя. Ехать предстояло по заснеженному и обледеневшему асфальту около двухсот километров, на улице было еще холоднее, чем вчера, и поэтому ему несказанно повезло в том, что сиденье оказалось напротив калорифера и на него тотчас пошло тепло, он блаженно прикрыл веки и сразу задремал, даже не почувствовав, как тронулся автобус. Дала о себе знать прошлая бессонная ночь. Несколько раз в пути он с трудом открывал глаза и затем снова крепко смыкал их, не в силах побороть сон. Удалось ему проснуться, когда автобус уже ехал по улице областного центра.

– На автовокзале выйду, пересяду на маршрутный и сразу домой к Марье Ивановне, – подумал Доля, поглядев в окно. – А завтра пойду по начальству, буду просить общежитие и вообще, пора начать говорить с ними о восстановлении в органах...

Капитан внутренней службы Измайлов лениво перебирал в своем кабинете полученную в канцелярии учреждения почту. За соседним столом сидела его помощница из вольнонаемных и, поскольку время как раз приближалось к обеду,

основательно прихорашивалась, смотрясь в карманное зеркальце. В руке у нее чередовались: губная помада, кисточка, щипчики для удаления лишней растительности с лица, а также карандашики различных цветов и тональный крем, его она щедро наносила на увядшую кожу подбородка и щек. Доля зашел, предварительно постучав в дверь, в тот момент, когда помощница капитана Алевтина Афанасьевна, закончив макияж, убирала принадлежности в объемную косметичку.

– Здравствуйте, – вежливо поздоровался с хозяевами кабинета Доля.

– Привет, привет, мастер. Разве тебя еще не выгнали? – почему-то зло спросил капитан, Алевтина Афанасьевна покосившись на Долю, презрительно фыркнула.

– Нет, не выгнали, – немного опешивший от такого приема, сказал Доля и тоскливо подумал. – Надо было к вечеру зайти. Они сейчас оба голодные, на обед торопятся и им не до меня. Кадровичка вон как по-боевому выглядит, хочет хозяину зоны за обедом понравиться. Говорят, она с ним не так давно загуляла. Дело конечно вкуса, но я на месте хозяина с этой молодящейся вешалкой не стал бы...

– А зря, не выгнали, – помедлив, так же зло продолжил капитан. – Такую бучу устроил в промзоне. Всем из-за тебя по шапке дали, до сих пор отписаться не можем в главное управление. Коли зашел к нам, расскажи уж заодно, мастер, по какому такому праву ты зеков подбил представите-

лей администрации шмонать. Разве нельзя было сделать все по-другому?

– Что значит, по-другому? – чуть вспыхнул Доля. На что помощница капитана опять вызывающе фыркнула.

– Ну, что у нас оперотдела нету? Шепнул, кому следует и точка. Дальше уже без тебя разберутся.

– Вы имеете в виду Курганова?

– А почему и нет? Майор Курганов – грамотный офицер, заместитель начальника оперативного отдела. Кому же еще как не ему разбираться с наркотиками?

Доля смолчал. Понял, что делать ему в кабинете больше нечего, попрощавшись, шагнул к двери.

– Ты вообще-то, с чем приходил, мастер? – запоздало бросил вслед Измайлов.

Доля остановился, повернулся к нему и, ни на что не надеясь, сказал просто так, ради того чтобы уйти из отдела кадров не расскандалившись окончательно.

– Хотел узнать, смогу ли я восстановиться в органах МВД и продолжить службу?

– Ну ты и наглец, – сказал, и после хохотнул Измайлов. – Я хорошо помню, кто тебя толкнул к нам на работу. Но имей в виду, Ирина Николаевна тебе не поможет. После всего того, что ты нам тут устроил, вообще никто тебе с восстановлением не поможет, понял?

Доля кивнул и опять хотел, было уйти, но на этот раз его остановила Алевтина Афанасьевна.

– У вас, Доля, кажется, были в прошлом какие-то проблемы с прокуратурой? Или меня неправильно информировали?

– Да. Были.

– Ну, вот! – радостно воскликнула Алевтина Афанасьевна. – Какие в таком случае могут быть вопросы о восстановлении в органах, если вы находились под следствием. Вы же, наверняка, были замешаны в уголовном преступлении.

– Дело в отношении меня было прекращено за отсутствием состава преступления, следствие моей вины не установило.

– Дыма без огня не бывает! – обозлилась Алевтина Афанасьевна. Доля едва сдержался, чтобы не нагрубить работнице отдела кадров, голос у него заметно дрогнул, когда обратился к ней: – Я могу идти?

– Сделай милость...

– Да, да. Иди, мастер, – разрешил капитан.

Выйдя в коридор, он, ничего не видя перед собой, прошел до лестницы, спустился на первый этаж и здесь его неожиданно схватил за руку Лева, тот самый инженер, несколько месяцев назад впервые проводивший его в пром-зону. С тех пор они много раз встречались по работе и стали товарищами.

– Ты на обед? – спросил он. Доля растерянно кивнул.

– Пойдем быстрее, – обрадовался Лева. – А то скоро толпа набегит... Понимаешь, дело у меня к тебе на миллион.

Поговорить бы надо пока обедаем, потом некогда будет, конец месяца, план горит, бегаем все по цехам, будто с цепи сорвались.

Доля снова согласно кивнул и, увлекаемыйлевой, оказался у стойки с горячими блюдами. Повар о чем-то его спросил, он машинально ответил и поставил на поднос предложенные поваром три незатейливых блюда: гороховый суп, котлету с пюре и компот...

– Ты чего такой грустный сегодня? – с завидным аппетитом принявшись за еду, спросил Левка.

Доля рассеянно помешал ложкой в тарелке с супом и затем безразлично ее отодвинул:

– Мне минут десять назад в отделе кадров объявили, что я восстановлению в органах не подлежу.

– Ну и пошли их к черту, – с набитым ртом, сдавленно проговорил Левка.

Доля поднял глаза и, задержав взгляд на новых погонах товарища, горько усмехнулся:

– Служить в уголовном розыске, Лева – это смысл моей жизни...

Лева дожевал полкотлеты, залпом выпил стакан молока, и, подмигнув, зашептал, склонившись над столом:

– Наши кадры – это еще не все, Саша. Не хуже меня должен знать, что в областном управлении есть кадры, которые курируют и исправительную систему, и милицию. Вот туда и надо идти, к полковнику Петрову. А если и там не полу-

чится, тогда поезжай на наши севера, в Ныроб, к примеру. В лесную зону тебя на любую должность с радостью примут, и звание восстановят, а уж потом найдешь способ, как оттуда назад в город вырваться...

Прервав разговор, Лева энергично воткнул вилку в оставшуюся половину котлеты, поднес ее ко рту, но есть не стал, а снова опустил на тарелку.

– Советую поесть, Саша. Еще не хватало, чтоб ты себя голодом изводил. Вот увидишь, все нормально будет, только сам не сдавайся.

– Я и не думаю сдаваться. Просто тяжело мне, Лева, пока после того, что выслушал сейчас в отделе кадров.

– Ерунда. Это скоро пройдет, Сашок. Ты теперь давай рубай, а я тебе расскажу об одном предстоящем мероприятии...

Доля, немного помолчав, согласно кивнул. Вялым движением пододвинул к себе тарелку с гороховым супом и начал нехотя хлебать, не разбирая вкуса. В это время через столовую шумно прошла небольшая компания во главе с хозяином зоны. Рядом с шефом, обдавая рядовых посетителей дурным запахом индийского сандала, прошествовала Алевтина Афанасьевна. Провожаемые любопытными и откровенно-завистливыми глазами они скрылись за дверью банкетного зала.

– У них своя кухня, а у нас своя, – философски заметил Лева. Он как раз прикончил всю еду и, вытерев салфеткой

губы, приступил к обещанному разговору.

– Скажи-ка мне, Саша, какое сегодня число?

– Двадцать седьмое февраля. А что? – Доля, недоумевая, вскинул голову. Левкин вопрос показался ему загадочным.

– Правильно, двадцать седьмое февраля и уже совсем скоро большой женский праздник – 8 Марта. По этому поводу меня коллектив выбрал массовиком-затейником и поручил организовать вечер в кафе «Пермяночка», поздравлять будем наших коллег-женщин. Разрешается также прийти туда с женой или подружкой. Наверно у тебя уже есть кто-нибудь?

– Нет. И в ближайшие дни не появится, – с грустью ответил Доля. – Отчего так? Разочаровался в женщинах что ли?

– Я ведь давно никуда не выходил, не с кем было познакомиться. Отработал и быстрее на постой к бабке Марии.

– Ну вот и пойдешь со мной. Я думаю там на вечере обязательно с кем-нибудь, да познакомишься. Уверен, одинокие женщины туда тоже заявятся.

– Никуда я не пойду! – рассердился Доля. – Без меня обойдетесь. Лева удивленно приподнял брови:

– Ну-ка, друг, выкладывай все по порядку. Что это значит, не пойду? Кому еще, как не нам молодым, да не женатым сходить на вечер, где можно от души выпить и потанцевать с женщинами.

– Знаешь, Лева, когда я из Крыма уезжал, то думал ненадолго и все лучшее, что у меня было из одежды, а было у меня немало хороших вещей, я оставил в шкафу и приехал сю-

да с одной сменой белья. Так что, хоть и стыдно мне в этом признаться, а не в чем мне идти в «Пермяночку». К тому же я позавчера пить бросил.

Лева тихо присвистнул и огляделся вокруг, узнать, не слишком ли они привлекают к себе внимание.

– Тю-ю-ю. Подумаешь, не во что ему одеться. У тебя еще достаточно времени костюм сшить, если конечно договориться с какой-то закройщицей в ателье. А насчет выпивки, я думаю, дело индивидуально каждого – пить, или не пить. На то, по большому счету, всем наплевать. Я бы на твоём месте даже гордился этим, потому что в ногу с перестройкой идешь. Многие сейчас мечтают пить бросить, да не у всех получается. Выпивка, говорят, помогает им избавиться от стрессов. Кстати, трезвеннику, я думаю, тоже необходимо бывает снять с себя лишний груз, а потому надо хорошо развлечься. Так что, вопрос решенный. Быстрее шей свой костюм и давай-ка, с этой минуты, начинай помогать мне готовиться к празднику и, прошу тебя, не хандри, дел у нас будет невпроворот.

Доля оставил недоеденным второе блюдо, выпил компот и, оторвав взгляд от стола, посмотрел на товарища. Глаза его, впервые за много дней, в этот момент зажглись...

Вечер, посвященный женскому празднику, решили провести в пятницу, хотя по календарю наступило еще только шестое число, так уж единодушно решил коллектив. Доля вместе с массовиком-затейникомлевой пришли в кафе заго-

дя, чтобы успеть как надо расставить столы, помочь накрыть их закуской и заодно отыскать укромные места, где бы хранилась до поры тайно принесенная водка. Директор «Пермяночки» была заверена, что праздник пройдет в духе горбачевской перестройки, без спиртного и подводить ее не хотелось. В том случае, если застукал бы с водкой ОБХСС, она бы немедленно лишилась работы...

В делах для них незаметно приблизилось начало праздника. Люди стали подходить небольшими группами. Доля встречал приглашенных у входа, сопровождал к раздевалке, не забывая при этом, каждый раз проходя в коридоре мимо большого зеркала, взглянуть на себя, на нем хорошо сидел выкупленный этим утром в мастерской темно-серый костюм. Вскоре собрались все, и он тоже смог занять свое место рядом слевой.

– Дорогие коллеги, мужчины, прошу наполнить дамам бокалы фруктовой водой, и не забудьте про себя, – поднявшись из-за стола громко объявил замполит учреждения майор Голопупенко и застолье началось...

Доля переглянулся с Левкой. Подмигнув друг другу, они посмеялись, в бутылки из-под фруктовой воды была налита водка.

– Молодцы, ребята, хорошо придумали, – похвалили их с соседнего стола работницы хозяйственного отдела. – Ишь, чего главный коммунист захотел, чтоб мы свой женский праздник на «сухую» встретили. Да не бывать тому никогда.

Русский человек горазд на выдумки, обманет, а все равно выпьет...

Женщины были уже навеселе и сильно расшумелись.

– Т-сс, тихо, – зашикали на них соседи. – Слушайте, замполит поздравляет.

Голопупенко говорил долго и нудно про заботу государства о женщинах, про великих трактористку Пашу Ангелину и космонавта Терешкову...

– Вот заливает, блин, – вполголоса недовольно сказал Лева. – Пора бы уже и выпить.

– Пора, – поддержал сосед, сидящий от него слева, и опрокинул свою водку в рот.

Доля обратил внимание, что за другими столами кое-кто проделывает тоже самое...

– Так выпьем же, товарищи мужчины, за наших любимых советских женщин! – торжественно закончил, наконец, Голопупенко и за столами облегченно вздохнули. Послышался звон посуды и вместе с ним веселый галдеж.

– Может примешь малость, Саш, в честь праздника? – спросил Лева. Доля упрямо помотал головой: – Нет. Я сказал же, не буду.

– Ну, тогда ешь, – согласился Лева. – А мы с соседом пить будем. Верно я говорю, Виталий Иванович?

Сосед кивнул и, не упустив случая, тотчас плеснул себе и Левае граммов по сто водки.

Закуска была не ахти какая, можно сказать для такого

мероприятия даже скучная и Доля, обходя вниманием всякого рода сомнительные салаты, ел вареную колбасу с хлебом и отварную картошку с неизвестной ему соленой рыбой, чем-то похожую на ставриду. Поздравления следовали одно за другим и, стараясь не оставаться в стороне, он поднимал вместе со всеми стакан с обычным лимонадом.

– Танцы, танцы давай! – закричали со всех сторон голоса и кто-то уже повскакивал с мест. Доля, позвав с собой Левку, пошел курить на улицу.

– Ну, как, присмотрел кого-нибудь? – спросил Лева, улыбаясь своей фирменной улыбкой дамского угодника.

Доле это в нем не нравилось всегда и он ответил несколько раздраженно:

– А ты видел не занятых женщин в зале?..

Они постояли, молчком покурили. Доля заодно успел рассмотреть здание «Пермяночки» и то, что находилось рядом с ней. Место было ему не знакомо.

– С виду, обычная столовка, обшарпанная и давно не отремонтированная, среди подобных себе двухэтажных жилых домов и шлакоблочных коттеджей, старых и неопрятных, – уныло подумалось ему.

– Ну, чего заскучал? Идем уже, холодно. Слышишь? Там танцы в самом разгаре, – хлопнув сзади по плечу, позвал его Левка.

– Пойдем. Хотя, правда, трезвому не очень хочется танцевать, чувствуешь себя белой вороной...

В кафе притушили свет, столы были сдвинуты и под звуки популярной музыки в середине зала резво двигались пары и скакали, как кому вздумалось, одиночки.

– Мальчики, – протяжно раздалось вблизи, как только они появились. – Пойдемте к нам.

Долю бесцеремонно схватила за руку полная женщина: – Я смотрю вы, молодой человек, один на вечере, – опасно согнувшись в танце, проникновенно сказала она.

– Нет, я не один, с товарищем, – наивно ответил Доля, чем вызвал у дамы почти гомерический смех.

– Я имела в виду жену или подругу, причем здесь ваш товарищ?

– Жена скоро придет, жду, – сказал Доля, рассчитывая, что от него отстанут.

Ненадолго это все же подействовало, женщина плавно переместилась поближе к Лева. Тот ей что-то сказал, и через некоторое время она появилась опять возле Доли.

– Ваш товарищ грубиян, – с вызовом, громко заявила пышка.

Доля не нашелся, что ответить, ему захотелось уйти, но в эту минуту его дернул за рукав Лева.

– Обрати, друг, внимание направо, – прошипел он над ухом. – Ничего женщина, а?

Обернувшись, Доля сразу понял о ком идет речь. Возле столов в белой блузке и таком же безукоризненно белом переднике стояла молодая женщина и по тому, что она собира-

ла со столов пустые тарелки, можно было узнать в ней официантку или может кого-нибудь из других работников кафе. Она была статной и красивой, остановившись, Доля засмотрелся на нее. Скоро та, почувствовав его взгляд, обернулась, глаза их встретились и он словно замороженный пошел к ней.

– Здравствуйте, – как можно вежливей сказал Доля.

– Здравствуйте, – отозвалась красавица и окинула незнакомца с головы до ног любопытным взглядом, руки ее тем временем не переставали ловко управляться с посудой.

– Меня зовут Саша, – через минуту набравшись духу, громко назвал себя Доля.

– Нина, – ответила женщина, подхватила поднос с тарелками и быстро пошла из зала.

Доля в замешательстве остался возле стола. Возвращаться к танцующим ему не хотелось.

– Она мне очень нравится, – поймал он себя на мысли и, решив идти до конца, тотчас подумал. – Я должен обязательно пригласить ее на танец. Познакомлюсь поближе, а там видно будет. Возможно, она замужем и заторопитя домой?.. Впрочем, поживем, узнаем.

– Что, от ворот поворот? – спросил, подойдя сзади Левка.

– Нет, почему же. Просто человек пока занят. Сейчас вернется и потанцуем.

– А-а-а. Ну давай. Желаю удачи. Только поаккуратней. Имей в виду, такая смазливая баба просто не может быть одна, без стоящего мужика.

Доля согласился с дружкойм, кивнув головой.

– Пойдем, покурим, – помолчав, предложил Левка. – Тут тобой толстуха интересуется, тоже курить хочет. Может, составишь компанию? Тебе с ней проще будет общаться, чем с этой...

– Нет, не пойду. Я уже обещал потанцевать, – соврал Доля.

– Ага, понимаю...

Лева кому-то махнул рукой и направился к выходу. Доля проводил товарища взглядом, заметив, что следом за ним, бросив танцы, заторопились из зала две девицы.

Вскоре появилась Нина, чтобы собрать и унести новую партию грязной посуды. Потом она прошла мимо еще несколько раз, Доля, поняв как надо действовать, ушел через служебный вход искать подсобные помещения. В каком-то узком коридорчике, услышав знакомые шаги, он поспешил им навстречу и там в сумраке чуть не наткнулся на Нину.

– Вам что, не весело? – первой заговорила она. – Ваши все веселятся, а вы почему-то здесь?..

– Я искал вас, чтобы пригласить на танец, – с чувством признался Доля, чем вызвал у красавицы смех.

– Оригинально, – от души посмеявшись, сказала она. – А что нельзя было этого сделать в зале?

– Простите, у меня бывает позднее зажигание, – пошутил Доля. – Пригласить-то я подумал вас сразу, как увидел, а вот сказать об этом решил только сейчас.

– Ха-ха-ха, – опять звонко рассмеялась Нина, и Доле пока-

залось, что смех ее благосклонный. – Ладно. Идите вливайтесь в коллектив, а я, как освобожусь, дам вам знать об этом своим появлением без передника.

– Я буду очень ждать вас, очень, – улыбнувшись, пообещал Доля, и она, уходя, тоже ему улыбнулась...

Он впервые со дня приезда на Урал не ночевал дома и нисколько о том не жалел, скорее наоборот, в душе его творилось что-то необъяснимо хорошее. Слегка подзабытое со временем тайное общение с приятной женщиной в прошедшую ночь снова, как уже много раз бывало, бросило его в бездну ни с чем не сравнимого чувства. Доля был утомлен настолько, что его покачивало, хотя ни на праздничном вечере, ни после, когда они остались вдвоем с Ниной у нее на квартире, он ни грамма не выпил спиртного, и усталость эта доставляла ему одно лишь счастье. Доля, стоя в автобусе среди плотно обступивших его пассажиров, закрыл глаза и даже увидел как будто сон.

– Эй ты, мужик, ты что, косой?! Ты думаешь платить за проезд или нет?! – грубо прокричала ему кондукторша и тут же дернула за рукав пальто.

Своим криком она быстро возвратила его из царства небесно-голубых грез обратно на грешную землю.

– Эй! Ты меня слышишь?!

– Слышу. Вы бы немного потише, я ж не глухой.

Доля достал из кармана мелочь и подал кондукторше, взяв деньги, та оторвала билет, не преминув напоследок лишний

раз уколоть медлительного пассажира нехорошими словами.

– Нажрутса с самого утра и права тут еще качают. Вон как водкой разит, дыхнуть в автобусе нечем.

Доля и даже не подумал ей отвечать, а лишь усмехнулся...

– Нина – женщина-мечта. Безумно красива и в то же время очень проста, мне с ней было легко и комфортно, – стал размышлять он, отвернувшись к окну. – И может быть простота ее оттого, что ей трудно живется, пойди-ка покрутись на двух работах, да одной воспитай дочь... – Доля представил, в каких условиях живет Нина, ему стало жаль ее и он, глубоко вздохнув, с горечью подумал. – У нее житуха еще похуже, чем у меня. Не дай Бог, жить молодой одинокой женщине с выжившей из ума подселенкой-старухой...

– Чапаевский! – хриплым голосом прокричала кондукторша и он, спохватившись, двигая локтями, грудью тараня преграждавших путь пассажиров, едва успел выбраться наружу, вырвав в последний момент зажатую дверями левую ногу.

Дорога, по которой надо было ему идти на квартиру к Марье Ивановне, шла вверх. Прямо в Долино лицо било весеннее солнце. Расстегнув пуговицы пальто, он выпятил грудь и ощутил ею тепло струившихся с высоты лучей. В эти минуты, еще находясь под впечатлением минувшей ночи, Доля был горд собой, ему вдруг сделалось до того радостно на душе, что он не смог сдержать нахлынувших эмоций и рассмеялся...

– Интересно, завяжется у нас что-нибудь серьезное или

нет? А хотелось бы. Она обещала звонить и я тоже. Только вот откуда звонить?.. – Доля неожиданно почувствовал прилив сил и двинулся в гору быстрыми шагами, прыгая через застывшие ручьи и образовавшиеся от таянья снега колдобины. Выйдя наверх, остановился у крайней усадьбы отдышаться и опять подумать о Нине:

– Конечно нет, она не в том смысле проста, а как раз наоборот. Сколько пришлось наговорить ей разного, чтобы она поверила и конечно же где-то не обошлось и без легкого вранья, зато потом все было так романтично...

Он, закурив, пошел дальше. С обеих сторон по улице стояли одноэтажные, такие же, как и в любой уральской деревне дома, отличавшиеся разве только тем, что перед фасадом некоторых из них деревянный палисадник был заменен металлическим и вместо досок состоял из стальных прутьев, труб или рабицы-сетки.

Издали увидев курившийся дымок над трубой, черной от времени избы Марьи Ивановны, Доля подумал:

– Хозяйка дома и, видно, топит печь. Приду, сразу же лягу спать. Впереди два дня выходных и я как следует высплюсь, а в понедельник запишусь на прием к главному кадровику Петрову...

Медвежий угол

Доля собирался уезжать на север области, в непроходимую тайгу. Куда, как говорят в народе, Макар телят не гонял. Заместитель начальника УВД Петров его все-таки принял в пятницу, но наотрез отказал в запросе личного дела из Крыма и потому выход был у него один – по совету Лёвы двигать в какое-нибудь лесное учреждение, где острая нехватка кадров. Или придется навсегда забыть о восстановлении справедливости и по сему начать подыскивать себе достойную работу на гражданском поприще.

Шла третья декада апреля, приближались майские праздники и уже должно быть тепло, а все также, как и в начале весны и особенно ночью, было холодно. Еще нередко кружил снег, дули холодные северные ветра и земля, хотя освободилась от снега, но все никак не могла оттаять, и еще до сих пор не зацвела верба...

Доля отработывал в промзоне последние деньки. Больше находился за столом в комнате мастеров и часто думал о том, что его ждет впереди. Новый начальник цеха – хохол Мотыга, он же бывший старший оперуполномоченный, сменивший Мороза, работу с него не спрашивал, а только каждый раз, завидев Долю, зло острил ему в лицо, всячески подталкивая к досрочному увольнению.

Однажды, в послеобеденное время, промзоновский

шнырь позвал Долю к городскому телефону. Надо было идти в другое здание и шагая туда, он недоуменно думал:

– Интересно, кому я вдруг понадобился? С Ниной мы один раз созванивались, но это было давно и как-то само собой связь у нас прервалась... Конечно же нет, она не должна мне звонить... Тогда может быть Ирина?

– Алло, Саша? – трогательно спросил женский голос, когда он взял трубку и Доля, кашлянув в ответ, несколько секунд мучительно вспоминал кому он принадлежит.

– Саша, почему ты молчишь? – повторил голос и Долю, наконец, осенило.

– Нина, – радостно подумал он и почти закричал в трубку. – Нина, я тебя слушаю!

– Саша, почему не звонишь? Почему ты меня позабыл? – Что ты, что ты, неужели я могу тебя забыть. Просто дело в том, что я собрался уезжать и все дни сейчас провожу в хлопотах...

– Да? – разочарованно-удивленно сказала Нина. – И куда ты собрался, если это не секрет.

– На север. В Соликамск или в Ныроб.

Нина помолчала. Слышно было как она с хрипотцой дышит в трубку.

– И что, ты перед отъездом не хочешь меня увидеть и по-людски проститься?

– Конечно, хочу! – с жаром воскликнул Доля. – Скажи, куда мне подъехать.

– Вот мужчины пошли, – хохотнула Нина. – Взял бы, да пригласил куда-нибудь женщину.

Доля смутился и, не зная, что сказать, молчал...

– Да ладно уже, знаю, что не местный, и знаю, что нигде не бываешь, – мягко продолжила Нина. – Я тебя хочу пригласить к моей маме на юбилей... Ты согласен?

– Да, да, согласен. Только когда?

– Жди меня после работы у проходной Камской ГЭС тридцатого апреля. Договорились?

– Да...

– Ну, тогда до встречи через три дня, – закончила разговор Нина и, попрощавшись, положила трубку.

Доля едва успел сказать ей «До свидания» и теперь под впечатлением разговора задумался, держа телефонную трубку в руке.

– Что, ваша девушка звонила? – поинтересовался осужденный – шнырь промзоны.

– Моя...

– Эх, какие они сейчас? – с тоской проговорил шнырь. С хрустом потянулся, выждал паузу и добавил. – Семь лет, уже считай баб не видел и еще целый год не видать.

– Тебе годков сколько?

– Двадцать пятый пошел. Малолеткой сел.

– Что-то много тебе малолетнему припаяли. За что же так?

– Бандитизм по суду признали. Ствол у нас был, ну и ино-

гда шмаляли. – По людям?

– По ним. Таксистов шевелили в городе, пять душ загубили. Мне, малолетке, всего десятку дали, двоим взрослякам «вышку». Надеюсь, еще пару лет «хозяину» оставить. На волю по УД О уйду и в итоге получится восемь...

Доля, прекратив разговор и поблагодарив шныря, ушел в свой цех. До вечера сидел в комнате мастеров, перебирая журналы и разные деловые бумаги, иногда уничтожая некоторые из них, разрывая на мелкие кусочки, а затем бросая их в урну. За этим занятием и застал его Мотыга. Он широко распахнул дверь и Доля увидев его, медленно стал подниматься.

– Сиди, – буркнул начальник цеха. – Завтра можешь на работу не приходить. Вопрос по тебе решенный. Получай в кадрах на руки справку о переводе, трудовую и с Богом на Севера...

Он не смотрел в глаза Доле и говорил, обращаясь как будто к кому-то постороннему, стоящему в углу, и Доля отвечал ему тем же, безразлично глядя в окно. Сказав, Мотыга тотчас ушел. Доля спустился вниз к осужденным-бригадирам и с каждым попрощался за руку. Не было среди них только Ральникова. Ему отомстили тем, что отправили досиживать срок в Сибирь.

– Александр Васильевич, мы с вами на воле обязательно встретимся, в ресторан пойдем! – крикнул кто-то из бригадиров вслед ему, когда он выходил из цеха...

Уже на другой день к обеду, Доля получил все расчетные документы. Съездил на пару деньков, попроведал маму, а вернувшись из родительского дома, в тот же вечер отправился встречать Нину...

С пригорка, где он остановился, как на ладони была видна проходная Камской ГЭС. Через нее то и дело сновали люди, вскоре показалась и Нина. Посмотрела вокруг. Увидев Долю, помахала ему рукой и стала подниматься по ступенькам. Наблюдая за ней, Доля в который раз подумал:

– А она несомненно красивая женщина. Одни зеленые глаза и черные брови чего стоят. А фигура... Вообще, как ей здорово все идет к лицу, особенно коричневое замшевое пальто...

Нина подошла, улыбнулась, Доля поцеловал ее в щеку.

– Наши кругом, увидят же, – слегка покраснев, засмушалась она.

– Ничего, пусть позавидуют мне...

Нина кокетливо поправила на голове берет:

– У тебя ничего не изменилось, идем?

– Да. Конечно. По пути надо будет взять подарок, посоветуй что-нибудь.

– Я думаю духи. И если б еще живой цветок в придачу, то маме бы очень понравилось. Сходим в промтоварный магазин на Вильямса или на рынок, это недалеко...

Им пришлось побывать почти во всех магазинах центральной части Гайвы, прежде чем удалось отыскать подхо-

дящие духи, а живых цветов так и не нашлось. Потом они довольно долго ждали автобус в Заозерье и на юбилей попали, когда там уже вовсю шло веселье.

– Александр Григорьевич Рудометов, мой отец, – сказала Нина, знакомя Долю. – И моя мама, Таисья Федоровна.

Доля, поздравив, вручил подарок матери и пожал руку отцу Нины, отметив про себя, что Александр Григорьевич, отнесся к знакомству прохладно, поскольку вяло ответил на его рукопожатие, тут же отвернулся к гостям. Таисья Федоровна же в отличие от него проявила жадное любопытство, и когда снова уселась за праздничный стол, продолжала изучать дочериного спутника, тайком поглядывая, и Доля это чувствовал.

– Мамы, они все одинаковы, – подумалось ему. – А вот Александр Григорьевич почему-то хочет показаться мне суровым.

– Внимание, товарищи! – прозвучал властный мужской голос. – Поднимем, уважаемые, рюмки за мою любимую тещу, Таисью Федоровну, пожелаем ей крепкого здоровья...

– Это Юра, муж моей старшей сестры Лиды. Из Нижнекамска приехали, – шепнула Нина. – Там, за ним по порядку сидит вся моя близкая родня. Рядом с Юрой Лида, за нею моя младшая сестра Люба, дальше мой брат Володя с женой Светланой и все соседи по лестничной площадке.

– Однако, семья у них немаленькая, – подумал Доля. – Если предположим, попробовать собрать еще внучат и других

близких родственников именинницы, то пожалуй нескольких столов не хватит, чтоб всем за ними устроиться...

– Нина! – окликнула Таисья Федоровна. – Положи Саше жареной поросятины.

Доля сразу, как вошел в комнату, обратил внимание на целиком зажаренного молочного поросенка. Румяная корочка от головы до хвоста и пучок зеленого укропа, торчащий из пяточка вызывал у него, да вероятно не только у одного Доли, слюну. Блюдо с деликатесом находилось в центре стола и Нина, чтобы достать его, привстала.

– Кушай, Саша, весь для тебя, – шутливо сказала она и, отхватив от поросенка внушительный кусок, положила его перед Долей на тарелку.

Тушка внутри была набита гречневой кашей, обильно сдобренной жиром, чесноком и перцем. Запах ее вместе с запахом мяса показался Доле изумительным...

Тосты следовали один за другим. Провозглашал их самый говорливый из гостей – Юра. Доля, чтобы не выглядеть белой вороной, вместе со всеми поднимал наполненную рюмку, а после, стараясь проделать это незаметно, ставил нетронутую водку на стол, твердо следуя данной самому себе клятве не брать до поры в рот ни капли спиртного. Он все больше налегал на жареную поросятину. Казалось ничего вкуснее в жизни никогда не едал и, увлекшись, не заметил того, что съел почти половину.

– Ты... ты... – начала вдруг говорить, запинаясь, Нина,

широко раскрыв глаза на то, что осталось от поросенка. – Неужели ты один столько съел, а как же другие?

Итак раскрасневшееся из-за сытной и горячей еды Долино лицо сделалось совсем пунцовым от стыда и неловкости перед Ниной, ее родителями и всеми остальными гостями. Хотя, в общем, в это время за столом никто ни на кого внимания не обращал. Все гости были порядком навеселе, и как раз началось нестройное хоровое пение.

– Все, это, наверно, конец нашего знакомства, – подумал про себя Доля. – Такой обжора как я здесь не нужен, она сейчас возьмет, да и выставит меня за дверь или отправит потом вместе с гостями, когда вечер закончится...

Он не знал, что ответить Нине, и уже готовился к худшему, но неожиданно на помощь пришла Таисья Федоровна. По-видимому, смекнув в чем дело, она встала из-за стола и подошла к ним:

– У Саши хороший аппетит. Я очень рада, что ему понравилась моя стряпня. Закуски-то, вон еще всякой сколь, всю гостям ни за что не съесть, да и хмельные уже они, все равно им, селедкой лучше закусят...

Доля, извинившись, благодарно посмотрел на нее. Нина улыбнулась. А уже через минуту снова начала весело болтать, рассказывая ему о своей родне. Тут кто-то крепко взял Долю за плечо сзади и он обернулся.

– Куришь? – спросил Александр Григорьевич. – Да.

– Тогда пошли...

Доля согласно кивнул и, подумав что Нинин отец зовет его курить неспроста, поднялся со стула.

– Советую с ним не спорить, – вслед сказала Нина...

Доля прошел в коридор, где возле туалета стоял, ожидаючи его, Александр Григорьевич.

– Заходи, – сказал он. – Садись на унитаз. Разговаривать и заодно курить будем.

Доля едва не опешил от такого необычного предложения и замаялся, не решившись сходу переступить порог.

– Ну, чего ты? – не понимая причины его колебания удивился хозяин. – Да я, вроде бы как, ничего не хочу... – сказал Доля.

Александр Григорьевич некоторое время, не мигая, смотрел на него, потом понял:

– А-а-а, – протянул он. – Ты этого можешь не делать, садись в штанах. Просто здесь тесно и я посчитал, так нам удобнее будет вдвоем разместиться.

Доля на этот раз послушав хозяина, сел куда сказали. Прямо напротив него находился допотопный водонагревательный титан и Александр Григорьевич, опустившись на корточки, устроился возле него, сразу же приоткрыв топку, намереваясь пускать в нее отработанный сигаретный дым.

– «Приму» будешь? – спросил Александр Григорьевич, протягивая начатую пачку.

– Буду...

Они задымили. Кто-то открыл и тотчас захлопнул дверь.

– У тебя серьезно с Нинкой или как?..

Глаза Александра Григорьевича огромные, синие, чуть подернутые мутной пьяной поволокой глядели на гостя в упор, добиваясь правды.

– Зачем это ему? – пронеслось в голове у Доли. – Нина – самостоятельная женщина, живет отдельно и вообще...

– Ты любишь ее? – последовал слишком откровенный вопрос и Доля, оценив обстановку, решил немедленно ответить на первый:

– Я не собираюсь ее обманывать...

– Вот, вот, – резко проговорил Александр Григорьевич и от переполнивших его нетрезвую голову крамольных мыслей ловко схватил гостя свободной рукой за грудки. – Вот и я также думаю, зачем обманывать. На вид ты мужик хороший, мне надо было только тебе еще в глаза посмотреть и услышать от тебя то, что я сейчас услышал...

В таком положении, когда держат за грудки, находиться было неудобно и, еще более того, обидно. Доля попытался мягко отвести руку хозяина от себя, но тот как назло еще крепче схватил своей пятерней рубашку.

– Нет, так не получится, может произойти скандал, – подумалось и тотчас остро захотелось ему, чтобы кто-нибудь, а лучше сама Таисья Федоровна немедленно пришла б на помощь.

– Благословляю вас, сходитесь, – серьезно сказал Александр Григорьевич, и пальцы его разжались. – Береги Ни-

ну, – слезно промычал он и вслед за этим громко всхлипнул...

– Эй! Вы слишком долго курите, пора бы уж за стол вернуться, – крикнула, распахнув дверь, Нина...

Доля, благодаря ее вмешательству, сумел улизнуть. Тем временем за столом пели про «Рябинушку» и он присоединился к поющим, решив, что так будет лучше. Петь он любил с детства и голос у него был сильный, что сразу же заметила Таисья Федоровна.

– Посмотрите-ка на него, какой голосистый, и где только тебя Нина нашла?

– Это не я, это он меня нашел, – возразила Нина. – А в общем случай помог, так ведь, Саша?

– Случай, Ниночка, случай. Товарищу моему – Левке, надо большое спасибо сказать – вытащил меня в «Пермяночку» на вечер.

– Вот и скажи, – подзадорила Нина.

– И скажу, – весело подтвердил и рассмеялся Доля...

Ему все больше нравилось находиться в компании этих простых и гостеприимных людей. С ними было легко и без чванства общаться, разговаривая на любые жизненные темы. Все чаще к концу праздника он стал ловить себя на мысли, что уходить ему отсюда никуда не хочется...

В поздний час гости, досыта нагулявшись, начали расходиться. Последними ушли и Доля с Ниной... В эту ночь они почти не сомкнули глаз: влюблялись, много говорили, рас-

сказывая каждый о себе, и пили чай на кухне тайком от подселенки-старухи и снова, в который раз, влюблялись... Ранно утром, едва забрезжил рассвет, Доля собрался уходить и, одевшись, вышел за дверь. Нина провожала его до подъездной двери.

– Мы с тобой больше никогда не увидимся? – довольно резко спросила она. – Не знаю, – честно признался Доля. Глубоко вздохнул и шумно выдыхая

еще раз повторил. – Не знаю...

– Что же, тебе обязательно на край света переться? Работа по душе и тут найдется.

– Цель у меня, Нина, прости.

– Ну, как знаешь. Телефон хоть мой не забыл?

– Нет. При первой возможности я тебе обязательно позвоню.

– Ну что же, тогда прощай, – с грустью сказала Нина и чмокнула Долю в щеку.

Он крепко обнял ее и поцеловал долгим поцелуем в губы...

Рассчитавшись за все с Марией Ивановной и попрощавшись с ней, Доля подхватив свою сумку, в которой уместилось все его имущество, подался на железнодорожный вокзал. До отхода поезда оставалось еще предостаточно времени, два часа с небольшим, но он решил, что лучше проведет это время среди незнакомых людей, чем в опостылевшей холодной избе Марьи Ивановны. Нет, он конечно не держал

на нее зла и даже от души поблагодарил за то, что она его на зиму приютила, но оставаться хотя бы ненадолго, когда появилась возможность насовсем уйти, уже не мог...

К вокзалу Доля добирался в час пик с пересадками на трех автобусах до отказа заполненных пассажирами. Приехав, сразу пошел в зал ожидания, чтобы посидеть в кресле и спокойно почитать газету. Но увы, картина в зале ожидания оказалась еще хуже, чем в городском общественном транспорте. Там не то чтобы сидеть, а стоять было негде. Изрядно потолкавшись, он через двадцать минут, наконец, прислонился к стене, перевел дух и осмотрелся... Люди собрались на вокзале разные. Среди них можно было легко отличить большинство северян, несмотря на весну продолжавших носить теплые вещи.

– Видать, там еще совсем холодно, – подумал Доля. – Ведь они едут туда же, что и я, и ошибки тут не должно быть. Скоро с небольшим перерывом в Соликамск пойдут два пассажирских поезда и потом наверняка вокзал опустеет...

Доля в несколько приемов достал из сумки «Комсомольскую правду» и при слабом освещении попробовал читать. Строчки сливались, и о назначении некоторых слов, часто можно было только догадываться.

– Брось ты глаза портить. В поезде начитаешься, – сказал ему сосед слева – солидный дядька с окладистой бородой, румяный и слегка выпивший. Едва он заговорил, Доля почувствовал запах крепкого спиртного.

– Будешь? – спросил бородач. Тряхнул перед Долинным лицом карманной фляжкой из нержавейки, в ней отчетливо что-то булькнуло. – Коньяк высшей пробы, армянский пятизвездочный «Арагат».

– Сомневаюсь, – помотав головой, сказал Доля и про себя подумал. – На вид вроде бы из начальников, а пьет всякое г...

– В чем сомневаетесь? – подозрительно спросил незнакомец. – В том, что я предлагаю выпить?

– Нет, дело не в этом. Я не пьющий, но «Арагат» от других напитков отличить смогу. У вас во фляжке кажется что-то похожее на грузинский, причем самой низкой пробы, без единой звездочки. Я бы сказал, поддельный.

– Однако... – удивился бородач. – Позвольте-ка узнать, где вы научились распознавать коньяки?.. Знаете, как ни странно, а вы ведь правы. У меня действительно грузинский, но, уверяю вас, пятизвездочный коньяк. Хотите убедиться – снимите пробу, в центральном гастрономе брал.

Доля опять отрицательно мотнул головой:

– Я не пью с недавнего времени. В прошлом приходилось употреблять разные коньяки и даже на заводах, где они производятся когда-то бывал. Скажу вам, что, судя по выхлопу, простите, из вашего рта, пойло с таким резким спиртовым запахом, и отсутствием присущих хорошему коньяку ароматов, производят как раз в Грузии. Уверяю, что он не пятизвездочный. Конечно, есть и в Грузии неплохие коньяки, но то, что у вас находится в фляжке – это приблизительно-

но или подкрашенная каким-либо продуктом обыкновенная чача, если хотите, тот же самогон, только из винограда, или низкой очистки спирт, приправленный виноградным красным вином...

Бородач замолчал, громко посапывая. Доля подумал, что он обиделся на него, больше разговаривать не будет и поэтому опять развернул газету...

– Прошу меня извинить, – вдруг произнес незнакомец. – Каюсь, я обмануть вас решил... Знаете, ведь «Арарат» у всех на слуху. Коньяк в нашем государстве считается самым лучшим отечественным, вот я и...

– Ничего, ничего, – живо отозвался Доля. – Вы, не подозревая, встряли в этот извечный спор между грузинами и армянами – чей коньяк лучше... Если хотите, я вам расскажу на эту тему один старый анекдот.

– Хочу, – с жаром сказал бородач. – А, кстати, как вас зовут, товарищ? Меня, например, Константином.

– А меня Саша.

Они, просунув навстречу друг другу руки и задев при этом плотно стоящих рядом людей, обменялись крепким рукопожатием. – С тебя, Саша, анекдот, – напомнил Константин.

– Ага. Слушайте... В общем, двое мужчин, один из которых грузин, а другой, соответственно, армянин зашли в бар. Первым подошел к стойке грузин. «Что будете пить, уважаемый, может быть армянский коньяк?» – спросил его бар-

мен, на что грузин, скорчив презрительную гримасу, ответил: «Армянский коньяк пьют только черножопики, мне нашего грузинского пятизвездочного давай...» Конечно же этот диалог слышал стоящий за спиной у грузина армянин. Когда очередь дошла до него, бармен его спрашивает, какого коньяка ему налить, грузинского или армянского? Армянин неожиданно заказывает сто граммов грузинского и просит дать ему еще одну пустую рюмку. Бармен ему подает то и другое и армянин разделив сто граммов коньяка на два раза, полощет им пустую рюмку, выливая каждый раз использованный коньяк на пол, а потом приказывает бармену, подавая ополоснутую рюмку: «А вот теперь налей сюда армянский «Арарат». Грузин, естественно, обиделся и задумал армянину отомстить. Подсел к нему, незаметно бросил под столик десятирублевую купюру и говорит: «Погляди, дорогой, не твои ли деньги там, под столом, валяются». Армянин смекнул, в чем дело, и, недолго думая, достает из кармана и поджигает зажигалкой пятидесятирублевую купюру. Нагнул, освятил ее под столом и говорит: «Нет, биджо, не моя там денга лежит...» Занервничал тут грузин, вскочил и на выход из бара. Получает у гардеробщика свое пальто, дает ему четвертную купюру и произносит важно: «Сдачи не надо...» Следом за грузином подходит к гардеробной армянин, дает гардеробщику сторублевую банкноту и говорит то же самое: «Сдачи не надо...», после махнул рукой и, уходя, добавил: «Ипальтане надо!..»

– Ох-хо-хо, ох!.. – захохотал смехом Константин. – Вот он его как поддел хорошо! Ох-хо-хо-ух, блин!.. – бородач от хохота прослезился, достал платок, вытер слезы и заодно громко, будто труба из духового оркестра прогудела, высморкался. – Ну, Александр, и насмешил ты меня... Однако, пора мне. Надо выходить на перрон, скоро состав подадут.

Доля взглянул на часы, застегнул куртку и взялся за сумку. – Ты что, тоже на Соликамский? – спросил Константин. – Так точно...

– Вот те раз, одним поездом, значит, едем? У тебя вагон какой будет? – Девятый.

– Эх, жаль, что не вместе, у меня пятый купейный. Ну, да ладно. Пока, не судьба видать. Земля наша круглая, хорошие люди однажды познакомившись обязательно еще встретятся, правильно, Саша, говорю?

– Думаю, да. Отчего же с хорошим человеком не встретиться. Константин, высокий и мощный телосложением, стал первым пробиваться через толпу к выходу, за ним, стараясь не отставать, Доля...

Поезд мчится, рассекая необъятную уральскую тайгу на части, разрывая тишину грохотом колесных пар, часто за многие километры от железной дороги пугая ревом сирены лесное зверье...

В плацкартном вагоне тепло и даже немного душно, но это обстоятельство никак не мешает Доле, замкнувшись в своем мирке, уместившемся в одну вагонную полку, радовать-

ся, лежа под одеялом, теплу, жизни и тому, что еще неизведанно и ожидает его впереди.

– Просыпайтесь, товарищи, через полчаса туалеты закрыты. Сдавайте белье, подъезжаем, – в два голоса прокричали в проходе проводницы и Доля первым спрыгнул со своей полки вниз. Умывание, сдача белья, сборы заняли немного времени. Он сел у окна и с интересом понаблюдал за улицей. Поезд как раз медленно проезжал мимо большого селения. В утренний час вился дымок из печных труб, шли двое железнодорожников с длинными молотками по соседнему пути, стояли несколько баб с авоськами возле штукатуренного строения с вывеской наверху «Продукты»...

– Станция «Соликамск», – сказала, пробегая в служебное купе, проводница. Доля взял вещи и направился в тамбур. Спешить вроде бы некуда, а просто по давней привычке в середине, а тем более в хвосте быть не любил. В тамбуре он простоял минуты три и пассажирский состав, закрипев, начал тормозить.

– Отойдите от двери! – выскочив из вагона, закричала проводница и пассажиры, собравшиеся в тамбуре, потеснились, пропуская ее.

– Ну вот и приехали, – сойдя на перрон, подумал Доля. – Теперь надо спросить управление АМ-244.

Он пошел в сторону вокзала, показавшемся ему невзрачным и грязным. Недалеко от его входа слонялись несколько человек и Доля сразу узнал в них бывших, по-видимому,

только вчера освободившихся зеков. Он подошел с вопросом к одному из них, парню лет двадцати со вставными стальными зубами.

– Здравствуйте. Скажите, как найти управление лагеря-ми?

Парень ослабился, но сказал довольно доброжелательно и в то же время несколько странно, потому что ответил, будто по тюремному уставу:

– Колесников Геннадий Андреевич. Вам туда, гражданин начальник, через площадь, потом на любом автобусе до центра и вверх метров двести от перекрестка, там и будет АМ-244.

– Из «красных»? – пошутил Доля.

– Да, гражданин начальник. А вы, гляжу, из оперов будете. Я не ошибся?

– Нет, не ошибся, – улыбнулся Доля, достал пачку сигарет и протянул парню.

– Не, гражданин начальник, спасибо, «хозяин» дал малость денег на освобождение, так что свои курю...

Доля остановился на пороге кабинета начальника отдела кадров и сначала не поверил своим глазам... Та же борода, то же широкое, пышущее здоровьем лицо, но почему-то в военной форме и именно здесь, в управлении...

– Ба-а-а, какими судьбами? – вскинув брови, проговорил Константин.

– Вы ведь говорили – земля круглая и мы обязательно

встретимся. Вот и встретились.

– Ба-а-а, – снова сказал Константин, по-видимому, все еще никак не пришедший в себя от неожиданности.

Случай конечно произошел необычный и Доля тоже пре- бывал в некотором смятении.

– Я приехал, товарищ майор, с просьбой о восстановлении в органах. В прошлом году я был уволен из милиции с должности начальника уголовного розыска...

Лицо Константина, как только Доля об этом сказал, посу- ровело и из добродушного с удивленными глазами челове- ка, он вмиг превратился в закостенелого упрямого бюрокра- та. Майор не предложил ему сесть и не спросил фамилии, а до неузнаваемости изменившимся голосом просто отказал- ся принять его на работу.

– Мне все понятно, я уйду, – сказал Доля, не дослу- шав последующие разглагольствования бородача о служеб- ной дисциплине.

– Нет, постой уж минуту! Я тебе приведу в пример одного кадра, нами принятого, точно также как и ты недавно уво- ленного из МВД. Высокий, сильный, симпатичный мужик, а надо ж тебе умудрился за один лишь месяц развалить всю работу лесоучастка. И кто бы мог подумать, такой надежный с виду и на тебе...

– Высокий, да сильный – это еще не показатель способно- сти человека созидательно трудиться, – прервал начальника отдела кадров Доля.

– Че-го-о-о?..

– Я хочу сказать, что высокий человек еще не означает, что он хорошо развит умом и ему под силу организовать производство. Нередко эти два человеческих качества – высокий и умный – вместе не существуют, отсутствует либо то, либо другое.

– Хм. Как ты по-книжному говоришь. Я почему-то ничего об этом раньше не слыхал. Ты что, начитался кого попало? Пока не поздно, выкинь-ка этот бред из головы. Их ведь, погляди, много как разных писак развелось, работать сволочи не хотят, мутят народ пасквилями.

– Нет, то мои личные суждения.

– Ах, личные! Ну-у-у, милый мой, уж не хочешь ли ты сказаться философом? Одно дело разбираться в коньяках, а тут...

– Я по своему жизненному опыту знаю! – запальчиво сказал Доля. У него появилось острое желание досказать этому заносчивому индюку-майору свои мысли и тем самым получить взамен от неприятной встречи хотя бы какое-то моральное удовлетворение, поскольку его собеседник как раз был высок ростом. – Я, конечно, не могу говорить про всех, но понимаете, часто, от природы, у человека маленького роста жизнь с младенчества складывается намного труднее, чем у высоких, и так до определенного возраста, пока недоросток когда-нибудь не займется спортом, окрепнет и сможет дать отпор. Лично мне с детского садика, а потом

в начальной школе приходилось буквально выживать среди сверстников, выше и, соответственно, сильнее физически. Вот в таких условиях, проще говоря, чтоб от них не доставалось тумачков, я вынужден был каждый раз напрячь умишко, и сообразить, где лучше схитрить, где задобрить или заинтересовать, тогда, глядишь, и пронесет. От такой жизни мозг естественно развивался и извилин в нем становилось больше. Высоким же не надо было упражняться, тут все решали кулаки, с ними они после школы и остались. Большинство моих длинных друзей детства пошли после окончания восьмилетки работать грузчиками, стропальщиками, в лучшем случае стали шоферами. Некоторые из них позднее и вовсе спились...

– Так, так, так, ничего себе, суждения у него какие долбаные, – быстро заговорил и заерзал на стуле майор, как только Доля замолк. Его, по-видимому, задело за живое, и он снова скороговоркой повторил. – Так, так, так... Выходит, по-твоему, все высокие – значит почти недоразвитые, значит они, по-твоему, дураки, и я в том же числе? Сам-то ты кто? Если умный, тогда почему тебя из милиции выперли?

– Вообще, чтоб меня со всех сторон узнать, стоит запросить личное дело в УВД Крыма, в нем все написано...

– Нет, нет, ни в коем случае, – замахал руками кадровик, приняв Долины слова, как повторную просьбу. – Нам не нужны такие умники как ты, нам нужны дисциплинированные работники.

Доле стало смешно и он улыбнулся. Кадровик-майор сердито смотрел на него в упор:

– Ладно, лично с тобой все ясно. Но что же ты против таких, как я, имеешь? Твои друзья детства – это твои друзья, может у них плохое воспитание было, может у них родители безграмотные и к тому же пьяницы.

– Думаю, товарищ майор, воспитание тут играет второстепенную роль. По поводу развития интеллекта у малолеток я уже сказал все, что думаю... Конечно, среди высоких людей, как и маленьких, дураки есть, но их немного. А вот людей посредственного ума у них намного выше будет процент, чем у тех, кто вырос до среднего или ниже того роста. Бесспорно, у длинных есть и индивидуумы – к примеру, Петр I, но невысоких людей в русской истории, добившихся вершин, осталось несравненно большее количество. Одно сказать, что все наши правители в прошлом не отличались высоким ростом, не говоря о такой личности, как Суворов и многих других знаменитостях. Я могу вам коротко рассказать о каждом...

– Хватит! – взбесившись, крикнул начальник кадров. А затем, понизив голос, тихо добавил. – Хватит. Иди отсюда, умник, у меня скоро совещание будет...

Доля, попрощавшись, пошел к двери, перед тем как открыть ее, обернулся и оказалось не зря. Кадровик Константин, слащаво улыбаясь, держал в руке обрывок бумаги:

– На, вот, Александр, возьми. Если поедешь дальше на север, в Ныробское управление, то передай Тихону Владими-

ровичу эту записку. Он, зам начальника управления по кадрам, может, возьмет тебя на работу.

Доля, поблагодарив, взял записку, вышел на улицу и прочитал в ней несколько слов:

«Тихон Владимирович, я знаю, ты искал человека на должность начальника ДСУ. Я тебе рекомендую вот этого...

Константин Саблин»

«Пазик» уже второй час ехал из Чердыни по грунтовой песчаной дороге, двигаясь порой с меньшей скоростью чем у пешехода, объезжая глубокие промоины и вслепую пробираясь по бескрайним лужам с талой водой.

– Сейчас мвэдовский пост будет, – сказала какая-то пожилая женщина из середины автобуса.

– Опять, етит твою мать, всех на улицу выгонят, и будут держать, пока не замерзнем, – прокомментировал ее слова подвыпивший мужик, сидевший, как и Доля, на заднем сидении.

Скоро в самом деле показался полосатый шлагбаум. Несколько человек с автоматами за спиной стояли возле него.

– Выходи из автобуса по одному, предъявить документы! – раздалась зычная команда, как только автобус остановился и открылась передняя дверь.

Подвыпивший мужик шепотом сматерился:

– Все, кончилась советская власть, – сказал он тихо. –

Дальше медведь правит, в медвежий угол приехали...

Очередь дошла до них минут через двадцать, Доля первым подался к выходу, достав для проверки документы: паспорт, диплом и еще несколько бумажек, самой ценной из которых была положительная характеристика, написанная по его просьбе Морозом.

– По каким делам к нам? – спросил прапор. Он уже успел небрежно пролистать паспорт и Доля понял, что его заинтересовало место выдачи документа.

– Думаю послужить здесь...

Прапорщик задержал на нем подозрительный взгляд, но ничего не сказал и стал проверять паспорт у подвыпившего мужика. Тот оказался последним из пассажиров, и скоро всем разрешили занять свои места в автобусе.

– Во! – радуясь будто ребенок, воскликнул Долин сосед, показывая ему две бутылки водки, горлышками торчащими из внутренних карманов распахнутого пиджака.

– Нет, я не пью, – сказал Доля, поняв этот показ, как предложение нетрезвого соседа выпить.

– А я и не предлагаю, – обиделся мужик. – Что я, на дурака похож? В наше время водка, что золото, кто ж ее первому встречному предлагать будет. Я просто хочу сказать, менты такой куш пропустили...

– Что, могли бы отобрать?

– А то как же. У них приказ есть, чтоб не допускать водку в запретную зону. Мужик на радостях достал из кармана и,

откупорив зубами бутылку, халкнул из горлышка большую порцию. Доля поморщился глядя на то, как он, ничем не закусывая, вытер губы и подбородок рукавом... Они больше не разговаривали, каждый был занят своими мыслями. Лес немного погода кончился, слева показалась река, вдоль нее высокий забор с колючей проволокой, грузоподъемные краны и вышки, на них можно было рассмотреть прячущих головы от пронизывающего ветра в воротники шинелей солдат.

– Все как и много лет назад, – подумалось Доле. – Зона лесного исправительно-трудового учреждения, ничем внешне не изменилась. Те же полуразвалившиеся бараки, те же самые потемневшие от времени вышки, часовые – чурки стоящие на них и километры ржавой колючей проволоки...

Справа от дороги потянулись вереницей частные дома и он стал смотреть на них. Скоро проехали затертый промеж них продуктовый магазинчик, большую церковь с железной витой оградой и его тотчас осенило:

– Уж не здесь ли за этой оградой у церкви держали в яме Михаила Романова? По-моему, я об этом не так давно где-то читал...

«Пазик», тем временем, натужно завыл мотором, преодолевая подъем. Показался огромных размеров амбар, за ним поворот и, наконец, автобус, громко чихнув, остановился на площади, недалеко от здания с вывеской «Столовая». Доле очень захотелось горячего чаю и, выйдя из автобуса, он

сначала хотел пойти туда, откуда доносился запах съестного, но, сделав несколько шагов, передумал, и спросил у проходившего мимо пожилого капитана, как ему разыскать управление Ш-320.

– Туда вон, через сквер, – махнул он рукой на ходу... Поблагодарив, Доля повернул к скверу. Там, оказавшись среди молодых

деревьев и чистых лавок, решил сесть и не торопясь покурить. Здание, в котором угадывалось управление, находилось совсем рядом. Пуская струей дым он всматривался в него, оно показалось ему мрачным и чем-то даже зловещим. С этим, пока необъяснимым для себя чувством, он через пару минут и зашел внутрь здания. Предъявив документы дежурному, не удержавшись, сразу спросил про Тихона Владимировича.

– Нет его, – сказал и, как бы сожалея, помотал головой сержант и возвратил документы. – Пойдете к начальнику отдела кадров капитану Плишкину? – помедлив, спросил он.

– Да, да, конечно пойду.

– Налево по коридору, последняя дверь. Сейчас вам выпишут пропуск...

Получив разовую бумажку со своей фамилией в окошечке из рук дежурного прапорщика, Доля с вожелением положив ее в карман, отправился в кабинет начальника отдела кадров. Плишкин был на месте и живо откликнулся на его стук.

– Войдите! – звонко сказал он, а когда Доля вошел, нежи-

данно поднялся со стула и протянул для рукопожатия руку. После, опередив готовую сорваться с Долиного языка фразу, указывая ему на стул, первым спросил. – Чем обязаны вашему появлению, молодой человек?..

– Я хотел бы к вам трудоустроиться с перспективой восстановления в органах МВД, – подав записку от Соликамского кадровика Кости, объяснил свой приход Доля.

Бегло взглянув на текст Плишкин посерьезнел на лице и, замкнувшись, начал выбивать пальцами барабанную дробь.

– Нервничает, – подумал Доля. – Но от чего бы?.. Плишкин, оборвав стук, вдруг с силой ударил об стол ладонью. – Говори, за что уволили!?

– Понимаете, дело против меня было возбуждено. Ну и... хотя я считаю себя не виновным. История тут запутанная, но я все помню до мелочей и могу рассказать.

– У меня знаешь сколько таких как ты?! Знаешь?..

Доля беспомощно пожал плечами и, кажется, что-то пробурчал, типа «откуда мне знать» или просто «не знаю».

– До хрена и больше, – огорошил кадровик. – И каждый поет ту же песню «Я не виновен»... Штрафники со всего Советского Союза съезжаются сюда в надежде устроиться, вернуть погоны, дослужить и айда обратно в Белоруссию или в Подмосковьё. А по существу это такое, б... дь, дерьмо, которое приходится в итоге мне разгребать одному за всю великую страну, и только единицы, вдумайся, товарищ, в это слово, единицы действительно оказались в прошлом неза-

служенно уволенными, проходит год, два и они добиваются своей цели, восстанавливают справедливость и снова становятся офицерами.

Против таких аргументов Доля не мог возразить. Ему ничего не оставалось кроме как встать и, попрощавшись, уйти. Откровения начальника отдела кадров были им восприняты как железный отказ.

– И я ведь вынужден, – не дав ему опомниться, снова яростно заговорил Плишкин. – Понимаешь, вынужден принимать вашего брата – штрафников, потому что сколько их приходит, почти столько и с треском уходит. Добровольно сюда, в этот медвежий угол, кто и идет, дак это все те же по какой-нибудь хреновой причине, вроде той, что у тебя... Так что давай, парень, сюда все твои документы, смотреть и оформлять будем согласно записке к Тихону Владимировичу...

Оформление Доли на должность начальника ДСУ Ш-320 заняло немного времени. В соседнем кабинете у инспектора он написал заявление, заполнил анкету и сдал все, кроме паспорта, документы.

– Ну, что же, теперь давай двигай на Верхнюю Колву, а там дальше на Талово, – сказал на прощание инспектор. – Жаль, что самолет на Колву уже улетел, ну да Бог с ним, чем-нибудь доберешься или, в крайнем случае, в гостинице переночуешь, а завтра улетишь первым рейсом.

– Это какую же надо иметь территорию, чтоб летать на са-

молетах по своему ведомству, – подумалось Доле, когда шел от инспектора по коридору.

Отмеченный росписью разовый пропуск он сдал обратно в окошечко. Прапорщик, приняв от него бумажку, спросил: – Ну что, приняли? – Приняли.

– И куда, если не секрет?

– Начальником дорожно-строительного участка в ИТК-18 поселок Талый.

– Фи-и-ю-ють... – протяжно присвистнул прапорщик. – Нашел чему радоваться. Кто же туда тебя впер?

– Так, знакомый один из Соликамска, – все еще улыбаясь и не понимая причины такого ироничного поведения прапора ответил Доля.

Прапор, изменившись на лице, резко высунул голову из окошка и Доля, не ожидая этого, отпрянул.

– Я тебе вот что скажу откровенно, парень, потому как не боюсь никого, мне плевать на них, мне месяц до пенсии служить осталось. Это же как надо ненавидеть тебя твоему знакомому, чтоб он помог тебе на эту самую тяжелую должность устроиться. Попомни, будешь ты заживо гнить в тайге вместе с зеками, если сразу тебя медведь не сграбастает, да не съест. Знаю я уже двоих, там сгинувших...

Доля внешне не спасовал и не растерялся, молчком уходя от окошка, он лишь немного ссутулился. Ему не сделалось страшно. Все о чем сообщил прапорщик было давно знакомо. Еще тринадцать лет назад на Широковской зоне

он прошел через такой же ад и испугаться ему было теперь не от чего. Просто появился вдруг горький осадок от того, что он рассчитывал на людское понимание и поддержку и, свято веря в человеческую доброту, опять нарвался на лживость и подлость...

– Гражданин, вы сейчас куда? – окрикнул его сержант у входа.

– А в чем собственно дело? – рассеяно взглянув на него, в свою очередь спросил Доля.

– Знаете ли, времени уже много, из поселка вам сейчас на большую землю не уехать, а у нас таков порядок – если вы в гостинице не устроитесь, то должны сказать, где будете ночевать, не то...

– А не то что?

– Да люди у нас иногда без вести пропадают, вот и решили, что лучше пусть будет так. Регистрацию сделали для всех прибывших в управление обязательной, не то безопасность никто не гарантирует.

– Прямо черт его знает что, – удивился Доля. – Будто прежний архипелаг Гулаг, да и только.

Сержант мгновенно оживился и взглянул с любопытством: – Вам что, довелось читать про это? – Да, кое-что прочитал. – Ну и как?

– Страшная правда. Я бы даже сказал жуткая.

– А как написано, ну то есть я хочу спросить, интересно или нет? Ведь вокруг этого произведения сейчас столько пе-

ресудов, а я такой заядлый читатель, особенно люблю про лагерь читать.

Доля вспомнил несколько моментов в Крыму, когда ему по случаю удавалось отрывками читать это довольно редкое по тому времени издание про сталинские лагеря.

– Ты знаешь, на мой взгляд, не интересно. Конечно, надо было иметь мужество автору пережить такое и потом написать еще об этом, но сказывается однобокость, а именно о чем человек в это время больше всего думал, он только о том и писал, и в целом все произведение стало походить на бред смертельно голодного человека, то есть самого автора.

– Ну, вот.. – задумчиво проговорил сержант, что-то имея ввиду свое и тут же спохватился. – Так если в гостинице не устроитесь, милости прошу тогда снова к нам заглянуть, может чего и с ночлегом придумаем...

Доля ушел. Сержант, прощаясь, показал ему путь на гостиницу. Он ее нашел очень быстро и несколько минут с удивлением на нее глазел.

– Ничего себе для такой дыры. Небольшая, но вполне приличная гостиница, новая и современная...

Он зашел вовнутрь с большой надеждой, но увы, его не поселили, поскольку мест не было, администраторша объяснила ему, что послеобеденный самолет не прилетел и все, кто хотел на нем улететь в разбросанные по Ныроблагу таежные поселки, прибежали в гостиницу.

С досады выкурив одну за другой две сигареты, Доля отправился восвояси обратно в управление. Подойдя, не успел открыть дверь, как, чуть не сбив его с ног, выскочил на улицу сержант.

– Вижу, не получилось с гостиницей? Бегите скорее к материальному складу, что недалеко от столовой, видели?.. Там сейчас машина грузится – ЗИЛ-131, пойдет на Верхнюю Колву, спросите у водилы, может возьмет...

Доля не раздумывая бросился бежать к тому большому ангару, который видел в окно автобуса. ЗИЛ, по-видимому, собирался отъезжать. Подбегая к нему, он увидел, как мужик поднял оба борта, а в кабину полезла вихляя пышными формами женщина и следом за ней такой же упитанный военный в плаще-накидке.

– Можно мне с вами на Верхнюю Колву? – едва переведя дух спросил Доля у мужика. Тот одной ногой уже ступил на подножку и стало понятно, что он и есть водитель. Долин вопрос повис в воздухе. Водитель ЗИЛа с каменным лицом стал заносить задницу на водительское сиденье. – Меня возьмите на Верхнюю Колву! – завопил Доля и бросился к кабине, чем здорово насмешил тетку и военного в кабине.

– Разреши ему, Пашка, – сквозь хохот сдавленно проговорила тетка. – Там в кузове есть такой же чудик, вдвоем в дороге им веселей будет.

– Слушаюсь, Надежда Семеновна, – лакейским, подобострастным голосом откликнулся водила и приложил ладонь

к козырьку своей потрепанной кепи. – Запрыгивай! – крикнул он затем, разрешив ехать, и почти сразу после этого машина дернулась и Доля повалился в кузове на какие-то длинные ящики.

– Больно ударились? – пропищал кто-то ближе к кабине. Доля сначала не рассмотрел говорившего, но сходу определил по голосу что спрашивает ребенок.

– Нет, ничего, я не сильно ушибся, – ответил он и стал осторожно пробираться между мешков и больших железных бочек поближе к случайному спутнику.

Им оказался мальчик лет одиннадцати-двенадцати. Доля узнал в нем туркмена или таджика: большеголового, черноглазого и смуглого. На лице мальчишки лежала печаль. По его сгорбленной спине и тщедушному телу, на котором висела легкая и порядком изношенная одежонка, Доле стало понятно, что бедствует он давно и что какие то очень горькие обстоятельства привели мальчика сюда, в обойденный Божьей милостью край.

– Ты куда двинул, пацан? – спросил он нарочито грубо, по-мужски скрывая за грубостью нахлынувшую на него жалость к ребенку.

В это время машину как раз сильно тряхнуло, из-за грохота Доля ответа не услышал и сам едва успел увернуться от покотившейся на него бочки.

– Закурить, дяденька, дал бы, – проговорил пацаненок. Его вдруг начало трясти. Не в силах справиться с дрожью он

громко лязгал зубами, издавая гортанные звуки, непонятные и поэтому странные.

Доля схватил свою сумку, покопавшись достал из нее старый толстый свитер, подаренный отчимом, шерстяные перчатки и шапку, все это натянул на пацаненка, а потом прикурив для него сигарету, сунул ему в рот.

– Ты что так уж сильно замерз? – спросил он после того, как закурил тоже.

– Д-д-д-а...

Доля придвинулся вплотную к нему и скоро приступ озноба у того начал стихать. А между тем заморосил дождь, воздух сделался холоднее. Порывы ветра теперь хлестко бросали на них ледяной душ, и спрятаться от него было негде. Доля, не докурив сигарету, бросил ее за борт и пополз по кузову с надеждой найти что-нибудь подходящее, чтобы можно было как-то защититься от мерзкого дождя хотя бы сверху. Рискуя быть раздавленным тяжелым грузом, он с трудом, но все же нашел большой кусок брезента и, вернувшись обратно, накрыл им себя и паренька с головой.

– Я гляжу, ты по-русски вроде бы неплохо шпаришь, а похож на нерусского, – пошутил он.

Мальчишка не ответил и скоро он почувствовал на своей руке его горячие слезы.

– Эй! Ну, ты чего?! Мы так не договаривались. Не хочешь говорить, не надо. Посидим, помолчим...

– Отец мой таджик, мать с Украины, – всхлипнув, через

пару минут сказал пацан и опять замолчал.

Доля решил не торопиться с вопросами. Дождаться того момента, когда его маленький спутник откроется сам, а пока с любопытством стал присматриваться к окружающей местности...

Они проехали тянущуюся по обеим сторонам безлюдную деревню, после нее еще несколько километров по разбитой грунтовой дороге, и мальчик, наконец, заговорил:

– Мы спали, ночью меня подхватило, кинуло, закрутило, а потом я оказался на большой куче глины. Той ночью не стало у меня ни дома, ни родителей. Это был оползень. Еще много домов, как наш, в селе снесло...

Доля прижал его сильнее к себе, крепко обняв за плечи. К горлу подступил ком и освободиться от него долго не было никакой возможности. Их снова несколько раз подряд трянуло, затем машина будто бы ухнулась куда-то в глубокую яму и встала. Мотор заглох, но через несколько секунд он уже завыл натужно, и ЗИЛок, дрожа всем корпусом, начал помалу выкарабкиваться из колдое... ны.

– Так куда же и к кому ты едешь теперь? – справившись с волнением, спросил Доля.

– К родному брату. Он на Верхней Колве сидит. Десять лет давали, два осталось. Начальник ему разрешил, чтоб я с ним вместе жил.

– Он наверно на поселении?

– Да, да, поселенец он! Писал, деревья пилит, в столовку

за свои деньги жрать ходит и комната у него в общежитии есть отдельная.

– Ну, вот. Видишь, как у него хорошо все сложилось, значит и тебе будет скоро неплохо...

– Да-а-а, – мечтательно протянул мальчик и притих. Доля сунул руку в карман за сигаретами...

– И мне, – попросил пацан. Нахмурившись, он протянул ему пачку... – Давно куришь, малыш?

– Когда из детдома сбежал, так сразу закурил, завтра месяц будет. Ровно столько я в дороге.

Прикурив, Доля дал огня своему малолетнему спутнику...

– Однако долго ты едешь, парниша.

– Я, дядя, на нескольких вокзалах жил, вот и время ушло. Денег ведь надо было на жратву добыть, да и на поезд тоже. Не всегда фартило, чтоб без билета проехаться.

– Скажи, как звать тебя? Думаю нам пора уже познакомиться, ты согласен, малыш?

– Мансур я, отец так назвал.

– Хорошее имя Мансур. А ну признайся-ка, Мансур, много раз ты обворовывал людей, шныряя по вокзалам?

– А что? Было. Воровал, конечно. А сколь раз? Не считал, не знаю. По другому, дяденька, никак нельзя, просто бы не доехал досюда.

– Дядя Саша меня зовут, запомни на всякий случай.

– Ага, запомню, дядя Саша...

Парнишка высунув голову из-под накидки, щелчком отправил непоту-шенный окурок сигареты в лес, ударившись о дерево тот рассыпался искрами...

Спустя некоторое время дорога стала гораздо хуже, чем в начале пути. Подчас Доле казалось, что они из ямы попадая в другую яму двигаются между елями хаотично, словно Господь Бог положил так на душу водителю и дороги, в общем, здесь никогда не бывало. Он, чтобы убедиться в этом, даже не поленился пробраться к заднему борту, опять рискуя быть раздавленным бочками с солидолом. Но приглядевшись, все-таки подумал о том, что до них тот же самый путь кто-то уже не единожды проделал. Глубокая колея местами до краев залитая талой и дождевой водой, не могла образоваться с одного раза. Очевидно, часто утюженная военными машинами, она была здорово разбита и потому стала широкая... Впрочем, дорогой эту колею из-за того, что по ней ползали грузовики, все равно назвать было нельзя...

Доля вернулся на место. Мальчик, не смотря на холод, уже дремал.

– Укачало, вымотало беднягу, спит и холод ему нипочем, – подумал он, садясь вплотную к нему.

Дождь между тем кончился. Теплее не стало, но теперь можно было убрав ненавистный, мокрый брезент, свободно глазеть по сторонам и всей грудью дышать хвоей. Небо давно сделалось серым, в тайге царил полумрак и Доле подумалось, что настала ночь. Осторожно, чтобы не разбудить пацана, он

высвободил руку и посмотрел на часы, так и есть, стрелки показывали середину первого часа ночи.

– Должно быть летом тут никогда до конца не темнеет, – мелькнула у него мысль. – Глубокая ночь, а хорошо различимы на деревьях лишайники, разбросанные по тайге муравейники, и без труда можно отличить кое-где затерявшихся среди густых елей еще не одевшихся в зеленый наряд голых лиственниц.

Доля смотрел на тайгу, вспоминая прошлую службу в Крыму, думал, как его встретят на новом месте и в конце концов незаметно для себя задремал. Сквозь дрему он слышал, как однажды заглох двигатель и как почти сразу же зажужжала лебедка и кто-то матерно выругался. Потом Доля провалился в глубокий сон и проснулся, когда его грубо толкнули в плечо. Открыв глаза увидел над собой опухшую рожу водителя. От него отвратительно несло перегаром.

– Хватит дрыхнуть, приехали, слазь, – пробубнил он.

Доля, кивнув, зашевелился. Встал на затекшие ноги, привыкая постоял с минуту и только тогда заметил, что пацана в кузове нет.

– А где парнишка? – спросил он.

– Возле зоны спрыгнул, – сказал водила. Откашлявшись, зло сматерился и плюнул на землю.

Доля пошарил в кармане, достал мятую трешку и подал ему.

– Годится, – подобрев, прохрипел шофер.

Доля пошнырял глазами по тому месту, где они с пацаненком сидели и около него...

– Свитер, выходит, ушел, – подумал он.

– Тебе сейчас куда? На свиданку? – нетерпеливо спросил водила.

– Мне в штаб отделения нужно. Я на работу приехал.

– А-а-а, в штаб, ну это значит тебе в ту сторону.

Водила махнул на два стоящих буквой «Г» двухэтажных деревянных здания. Доля скинув сумку на землю, прыгнул следом сам и пошел туда. Он знал, что рабочий день начнется еще не скоро, но очень надеялся до его начала отсидеться где-нибудь там в штабе, в тепле...

Через два с половиной часа старший лейтенант Козыкин, приняв у Доли документы, бегло просмотрел их, заполнил на него карточку учета и, пожелав скорее добраться до места работы, тотчас забыл про него, погрузившись в чтение служебных бумаг.

– Товарищ старший лейтенант, – потревожив инспектора, обратился Доля. – Подскажите, чем добраться в поселок Талый?

– Из восемнадцатой колонии на Верхнюю Колву приходит за товаром машина. Если вам повезет, уедете с ней, – ответил инспектор, не подняв головы.

Попрощавшись, Доля отправился в коридор и пока шел по нему, рассудил, что коль машина приходит за товаром, то она должна появиться на здешнем складе, или в магазине

и потому следует ее искать где-нибудь возле этих объектов...

Верхняя Колва – поселок небольшой и сплошь деревянный, блуждать по нему приезжему человеку негде. Ему с крыльца штаба местный мужик-чалдон показал крышу центрального склада и магазина.

– Вон туда, паря, чапай, тамот-ка оне. У нас, почитай, самое живое место у магазина будет, больше и ходить вроде б некуда. Окромья него только зона, да еще гараж есть, – по-своему, по-чалдонски, сказал мужик.

Поспешив к складу, а затем пробежав вокруг него и, не обнаружив машины, Доля бросился к магазину, находившемуся в метрах двухстах, в конце короткой улицы. Возле него тоже было пустынно и ему ничего не оставалось, как зайти внутрь.

Дебелая продавщица взглянула на появившегося у прилавка посетителя подозрительно, а когда с ней поздоровались, лишь молча кивнула.

– Машина в поселок Талый пойдет от вас сегодня? – спросил Доля.

– Поселенец? – в свою очередь поинтересовалась женщина и без надобности нервно открыла, а затем резко закрыла ящик прилавка, в связи с чем раздался оглушительный хлопок.

– Нет. Я на работу туда назначен начальником ДСУ.

– А я вижу не свой, своих-то я всех как облупленных знаю, – скупно улыбнувшись сказала она. Помолчала и также

скупо ответила на его вопрос. – Машина в Талый може будет, може нет, всяко бывает...

Доля обратил взгляд на витрину, подняв глаза осмотрел полки и отметил про себя, что кроме консервных банок с морской капустой и рыбных консервов «Завтрак туриста» больше ничего нет.

– Пошли бы в общежитие, там для приезжих помещение есть, – предложила зорко следившая за каждым его движением продавщица.

– А как машина?..

– Так общага-то вон она, рядышком. Оттуда из окна все видать, придет, дак увидите сами.

Согласившись с ней, Доля пошел к двери, и уже открыв ее на пороге обернулся:

– Мне б марку автомобиля знать или хотя бы как он выглядит?

– Бог знает марку, дряхлая она, кабина синяя, шофер – поселенец Мишка, вот все...

Барин

Доля прожил в общежитии два дня. Потрепанный ГАЗ-52 с синей кабиной появился только на третий день после обеда. Он подъехал прямо к общежитию и, как оказалось, к счастью, за Долей. Водитель – мужчина, лет сорока, выбритый и чисто одетый, едва не столкнулся с ним на крыльце.

– Вы на Талый? – улыбаясь, спросил он.

– Ага, – весело подтвердил Доля. – Я новый начальник ДСУ.

– Миша, – назвал свое имя шофер.

– Саша, – сказал Доля и, спохватившись, добавил. – Александр Васильевич...

На лице Михаила появилась и исчезла ухмылка.

– К отъезду готовы, Александр Васильевич? Вместо ответа Доля высоко поднял дорожную сумку.

– Ну что ж, тогда, как говорится, по коням...

Кузов автомобиля был заставлен ящиками с гвоздями, туго набитыми чем-то мешками и Доля едва нашел между ними узкое пространство, чтобы втиснуть туда свои вещи, после чего забрался в кабину.

– Ну, с Богом, – напутствуя, проговорил Михаил. Надавил на стартер, но машина сходу не завелась. Удалось ему завести ее лишь с пятой попытки.

Наконец, она рывком тронулась с места и мотор натуж-

но завыл, преодолевая горку. Они проехали магазин. Вскоре водитель повернул налево, там дорога пошла ровнее и машина начала набирать скорость, часто подпрыгивая на попадавшихся выбоинах.

– Поселенец, а по виду не скажешь, – подумал Доля, косо взглянув на водителя. – Если б не его кривой, уродливый из-за травмы нос, то можно бы принять его за какое-нибудь должностное лицо средней руки в леспромхозе у местных аборигенов, также, он вполне мог бы сойти и за директора сельпо, ишь какая на нем моднячая рубашка надета...

– А я, Александр Васильевич, мастер ДСУ, ваш подчиненный. Уже два года, как эту проклятую дорогу строю, – будто догадавшись о чем думает начальник участка, заговорил Миша. – Сейчас мы в самый раз по той дороге катим, которую нам вместе придется достраивать. Сорок километров сдали, осталось примерно столько же...

– По-моему, тебе трудно работается здесь, – подождав, пока Михаил молча выкурит сигарету, произнес Доля.

– Эх! Трудно – это очень мягко сказано, гражданин начальник. Тут ад! Того нет, другого нет, а план хозяин трясет с меня каждый день, и хоть тресни, а делай, не то в ШИЗО посадит, а еще хуже того – в конвойную зону обратно загонит, – Михаил опять потянулся к пачке сигарет, но рука его на секунду повисла в воздухе, закуривать он передумал и вместо этого повернулся к Доле. – Ну, теперь мне облегчение будет, теперь вам ответ за работу держать!

– Неужели, такой уж страшный у тебя хозяин? – улыбнулся Доля.

– А скоро сами узнаете, гражданин начальник...

Прервав разговор, мастер нажал до упора педаль газа и кажется погнал машину со страшной силой, но посмотрев на спидометр, Доля заметил, что стрелка едва дотягивает до отметки пятьдесят километров.

– Интересно, что за человек тамошний начальник колонии, – подумал он. – Как меня встретит? Если судить по Мишкиным словам, то он должен быть самодуром... – Доля отвернулся и стал наблюдать в окно за природой. С обеих сторон к дороге близко подступал лес. Еще не оживший после суровой и долгой зимы, неприветливый и незнакомый. – Сколько же тут времени я проведу, год, или может два? – тоскливо подумалось ему.

– Александр Васильевич, – позвал Михаил.

Доля крепко задумавшись не услышал и он повторил громче.

– Слушаю, Миша, слушаю, – встрепенулся Доля.

– Я понял, вы местной природой любуетесь. Так вон туда, вперед, поглядите. Белую островерхую гору видите?

Доля долго всматривался вдаль и только спустя некоторое время заметил на горизонте за бескрайними лесами среди других гор стоящих грядой отличающуюся своими очертаниями гору, напоминающую пирамиду. На ее крутых склонах лежал нетронутый снег и в появляющихся время от вре-

мени лучах солнца гора сверкала.

– Впечатляет? – спросил Михаил, искоса наблюдавший за Долей.

– Да...

– Я сам, глядя на нее, каждый раз не могу налюбоваться досыта. Погода еще сегодня неважная. В ясную погоду, а особенно зимой, глаз не оторвать. Эту гору называют Тулымский камень.

– Она очень далеко отсюда, километров за сто, или даже больше...

– Где-то примерно так, – согласился мастер. – Там проходит Уральский хребет.

Около часа они ехали в сторону поселка Талый и между собой почти не говорили. Недавно построенная дорога оказалась неплохой. Доля, убаюканный однообразным шумом мотора, успел вздремнуть и теперь, покуривая, продолжил размышлять о своем будущем. Неожиданно грузовик будто куда-то провалился, потом его начало кидать, то влево, то вправо и он понял, что спокойствие кончилось. Водитель, вцепившись в баранку, бешено крутил ее с трудом удерживая машину, не давая свалиться на бок.

– Что, дальше дороги нет?! – паникуя, закричал Доля.

– Ага, кончилась! Крепче держись, начальник, голову береги!

Мотор ревел, грязь разлеталась лепешками в стороны. Порой машина становилась неуправляемой. По бездорожью ее

боком несло неведомо куда и невозможно было предугадать, устоит она в следующую секунду на колесах или нет. Полагаясь на удачу, да еще мысленно обращаясь к Богу с просьбой о помощи, Доля терпеливо принялся ждать, когда эта кошмарная езда кончится. Он даже прикрыл глаза, чтобы ничего не видеть...

Через двадцать минут грузовик вдруг встал и мотор заглох.

– Гражданин начальник, там за сосновым лесом, километра через три, чалдонская деревня стоит, не хотите ли взглянуть? – виноватым голосом спросил Михаил.

Измотанный беспорядочной ездой Доля пожал плечами и равнодушно ответил:

– А что в деревне может быть интересного?.. Если тебе необходимо туда заехать, я не против.

– Спасибо что разрешили, начальник, но момент один есть, надо б его обсудить. Видите ли, в деревню на машине не попасть, проехать негде и вам придется прогуляться со мной пешком или остаться в кабине. Но, учтите, не исключено, что медведь в гости пожалует, их тут прорва...

– Погоди, – прервал Доля. – Как же они там живут? А ежели необходимо что-нибудь привезти, увезти, да те же дрова, к примеру. Опять же дети? Школы, наверно, в деревне нет, а как детей доставлять в интернат и на каникулы возвращать домой?..

Михаил поначалу прыснул, сдерживая смех, потом, не вы-

держав, расхохотался.

– Ну даете, гражданин начальник! Откуда деткам-то взяться. Там на всю деревню один ребенок – мой сынишка Тимоха и все. Вымирает деревня, одни старухи остались, даже ни одного старика нет. Из деревенских старух уже давно никто ничего не привозит и не увозит. Случается нужда где-то быть, так они вот до этой дороги и дальше по ней до Верхней Колвы пешком. Иногда теряются в пути, не доходят.

– А зимой они как?! – не переставая удивляться, воскликнул Доля. – Неожиданно понадобится кому-нибудь по неотложным делам или скорая помощь стала кому нужна, тогда что делать, ведь кругом снег?

– На лыжах, – ответил и опять захохотал Михаил. В его смехе Доля почувствовал издевку.

– Смотри, блин, смеется надо мной, – подумал он. – Откуда ж мне знать про ихнюю жизнь...

– Со мной пошли, гражданин начальник, своими глазами все увидите, – предложил мастер.

– И то верно. Пошли.

Бросив машину посреди дороги, мастер-поселенец, уходя в лес, махнул на нее рукой, упреждая готовый сорваться с Долиного языка вопрос.

– А ни хера ей не сделается. Сегодня тут никто не поедет...

Тропа, по которой они друг за другом отправились в деревню, была узкой, но просохшей и мягкой, и идти по ней

было удобно. Путники ничего не взяли с собой и налегке скоро добрались до окраины крохотной деревушки.

– Мои чуть дальше живут, – сообщил Михаил.

Улиц в деревне Доля не увидел. Полтора десятка домов были разбросаны по ложбине. Убогие, и от времени черные.

– Нам туда, – сказал Миша, показав на вросшую в землю избушку и глядевшую на них издали двумя подслеповатыми оконцами.

– На отшибе изба, – подумалось Доле. – Интересно, как живущие в ней люди в гости зимой ходят к своим деревенским?.. Хотя мастер же говорил, что на лыжах, видать так оно и есть. Только на них можно из этой избушки к какой-нибудь бабке в гости по случаю сходить, или по нужде за солью...

– Ждут наверно, – радостно-возбужденно сказал Михаил, прибавив шаг, Доля не поспевая за ним, сразу поотстал.

– Что ж тебя сын твой, Тимоха, не встречает? – крикнул он в спину несущемуся вперед поселенцу.

– Мал он еще, Александр Васильевич. Его еще поперек кровати кладут, как зачнет матернину титьку сосать.

– Ну-у-у, – удивился Доля. – Выходит совсем младенец?

– Ага. Шесть месяцев завтра исполнится, как родила моя Матрена.

Михаил остановился, поджидая начальника, а когда тот приблизился, снова рванулся вперед, к заветной избушке. До нее оставалось пройти всего каких-нибудь сотню шагов.

– А матери твоего сына Тимохи сколько же будет лет, – стараясь говорить как можно вежливо, поинтересовался Доля.

Мастер не ответил, и он подумал, что тот его не услышал, но повторно спросить не решился, боясь показаться бестактным.

– Сорок семь в январе исполнилось, – наконец, сказал Михаил, остановившись возле ворот ограды. Прежде чем постучать в них, он подмигнул Доле и заговорщически шепнул. – Она у меня любую молодку за пояс заткнет, огонь баба. В прошлый год одна на медведя ходила.

– Что, с рогатиной? – не поверив, съязвил Доля.

– Почему с рогатиной? Нет, конечно, с ружьем ходила, с тулкой. Косолапый к ним в деревню повадился шkodничать. Однажды ее корову задрал, так та за ружье и в копну сена, в засаду значит. Сутки брюхатая следила оттуда без жратвы и воды, а ведь выпасла медведя и одним выстрелом башку ему продырявила свинцом.

Изнутри к воротам кто-то приближался. Шаги были старческие, шаркающие и в Долиных глазах отразился немой вопрос.

– Теща, – пояснил мастер.

Доля кивнул и в ожидании чего-нибудь необычного с любопытством уставился на калитку, находившуюся в воротах.

– Кто там? – проскрипела старуха. – Чо не идете? Надотка кому него старуху гонять попусту. Нихто отродясь не дер-

жит тутока избу на запоре.

– Мамаша, – ласково отозвался Михаил. – Матрена дома?

Калитка с неприятным скрипом отворилась и перед непрошенными гостями предстала дряхлая женщина, с иссохшим и изборожденным глубокими морщинами лицом цвета печеного яблока. Она походила больше на мумию, чем на живого человека и Доля, шагнув в ограду, с опаской прошел мимо нее, следуя за поселенцем в избушку.

Они очутились в помещении, где львиную долю маленького пространства занимала печь. Прихожей не было. Сразу у порога стоял ничем не покрытый грубой работы стол, а возле, похожие на него два табурета. За печкой угадывалась крохотная комнатуха, откуда раздавалось чмоканье и занудный звук.

– М-м-м-м... – бесконечно тянул женский голос одну и ту же ноту.

– Ребенка спать укладывает Мишкина Матрена, – подумал Доля.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.